

АНДРЕЙ СТОЕВ

ЗА ПОСЛЕДНИМ
ПОРОГОМ
ПАУТИНА

Литрес

За последним порогом

Андрей Стоеv

За последним порогом. Паутина

«Автор»

2021

Стоев А.

За последним порогом. Паутина / А. Стоев — «Автор»,
2021 — (За последним порогом)

В пятой книге Кеннер немного лучше узнаёт, как устроено княжество, и с удивлением обнаруживает, насколько мало он об этом знал.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Стоев

За последним порогом. Паутина

Пролог

Все женщины – прирождённые артистки, и моя жена среди них не последняя.

– Лен, не надо вот этого вида шокированной аристократки, никто тебе не посочувствует, – сказал я. – Мы все знаем, что ты не такая уж ромашка, и вполне привычна к спартаанским условиям.

– Ну и что из того, что привычна, – недовольно сказала она, оглядывая наше купе. – Это не значит, что мне должно нравиться ехать в этой конуре.

– Нормальная конура, у меня на судне каюта даже чуть меньше была, – рассеянно сказала Алина, старательно засовывая свой рюкзак в багажную нишу. – Вы лучше скажите – что за ерунду вы там про другой мир болтали?

– Думаю, это крайне маловероятно, – ответил ей я. – Настолько маловероятно, что даже нет смысла обсуждать.

– Полная ерунда, – поддержала меня Драгана. – Другие миры, конечно, существуют, но мы вряд ли смогли бы там выжить. А уж другой мир, настолько похожий на наш, практически полная копия... нет, невозможно.

Вообще-то, вполне возможно. Но всё же я не верю, что этот мир расщепился ещё раз – очень уж редкое это событие. Космически редкое. Да и насколько я понимаю, Сила не разделяется, а полностью остаётся в одном из миров. А раз здесь есть Сила, значит, мы в правильном мире. Правда, объяснить это моим спутницам не получится – сразу же возникнет вопрос: откуда мне известны такие интересные подробности?

– Но знаете, – продолжала Драгана, – я всё же не отказалась бы взглянуть на карту. Просто на всякий случай.

– Я сейчас, – вдруг встрепенулась Ленка и выскочила из купе. «Уважаемая, постойте», – донёсся её голос из коридора.

Мы переглянулись в недоумении. Вернулась она буквально через минуту.

– Вот, – гордо сказала Ленка, бросая на столик пачку печенья. – Там как раз разносчица проходила.

Надпись на пачке гласила «Варяги и греки». В качестве варяга с левой стороны пачки был изображён белобрысый мужик в кольчуге со зверской рожой. В руке он держал непропорционально большой топор. С правой стороны был нарисован грек – настолько смуглый, что я скорее назвал бы его негром. Чтобы рассеять сомнения насчёт того, что это и в самом деле грек, художник надел на него аттический шлем с гребнем, который довольно странно выглядел в сочетании с туникой. Ну, все мы знаем, что художник частенько видит так, как нормальный человек не хотел бы видеть даже во сне.

Эта марка печенья была мне неплохо знакома – во всяком случае, я знал, что в левой половине пачки под варягом лежит миндальное печенье, а в правой под греком – шоколадное.

– Лен, это, конечно, замечательное печенье... – начал я.

– Переверни пачку, – прервала меня Ленка.

На другой стороне пачки оказалась карта пути из варяг в греки – очень схематичная, но не оставляющая никаких сомнения, что Кавказ здесь находится на своём месте.

– Ну, стало быть, всё в порядке, – заявила Драгана, откладывая пачку.

– Не совсем, – вздохнул я. – Вот наши билеты – ничего странного в них не замечаете?

Женщины дружно уставились в билеты. Дошло до всех одновременно.

– У меня украли лето, – возмущённо заявила Ленка, глядя на Гану.

– У меня тоже, – хмыкнула в ответ та.

– Но мы же не могли там два месяца пробыть? – в замешательстве спросила Алина.

– Нет, конечно, – ответил я. – Мы внизу только два раза ночевали. Я ещё могу представить, что мы устраивали ночёвку раз в два дня, но не раз же в месяц!

На самом деле мы ночевали три раза, если не считать того времени, когда мы вели переговоры с крысами, ещё до того, как спуститься вниз. Но последняя ночёвка на обратном пути была уже почти наверху. Не будь подъём наверх таким трудным – из колодца в колодец, – мы бы выбрались за один день.

– Ты можешь это как-нибудь объяснить?

– Очевидно, время внизу идёт по-другому, – легко объяснил я.

– А может быть, мы перенеслись в будущее? – предположила Драгана.

– Да ты, оказывается, фантазёрка, – поразился я. – Знаешь, а я могу тебе открыть очень простой способ перенестись в будущее: ложись спать, и это произойдёт безо всяких усилий.

– Нет, в самом деле, Кен, – настаивала Драгана, – почему ты не допускаешь такой вариант?

– Ну хорошо, представим, что я такой вариант допустил. И что дальше?

– Например, если пройти пещеру в обратном направлении, то можно попасть в прошлое.

– Я тебе вот что скажу, – ответил я ей на это. – Ты можешь это проверить, конечно, но без нас. И давай проясним на будущее: больше не зови ни меня, ни Лену в подобную экспедицию. Ответом будет «нет». Я вообще в эту пещеру больше не полезу. Мне её хватило. С крысом я вас познакомил, так что дальше уж сами.

Драгана смутилась, похоже, совесть у неё всё-таки имеется.

– Да я и сама туда не очень-то хочу возвращаться, – призналась она. – Мы, пожалуй, немного переоценили свои возможности.

– Это точно, переоценили, – согласился я. – Только насчёт «немного» не уверен, но не будем мелочными.

– Я говорю о таком варианте чисто теоретически, как о гипотетической возможности.

– Чисто теоретически это глупость. Чисто практически тем более. Но я не собираюсь тебя переубедить – можешь сама такой эксперимент провести и узнать наверняка, как там обстоит дело с путешествиями во времени. Главное, чтобы без нас.

– Ну хорошо, хорошо, – недовольно сказала Драгана. – Твоя позиция понятна, и хватит об этом. Давайте лучше прикинем, какие последствия могут быть оттого, что мы так задержались. Меня, в принципе, уже потеряли, но пока беспокоятся только чиновники. И то если беспокоятся. Больших проблем я не жду, а с мелкими справлюсь.

– Мои наверняка тоже беспокоятся, – прикинула Алина, – но паники пока быть не должно. Я несколько раз пропадала надолго, они привыкли к тому, что я могу задержаться.

– У нас летняя практика, – в свою очередь, сообщил я. – Мы не знали, сколько времени это может занять, и на всякий случай сказали, что уезжаем на всё лето. О нас начали бы беспокоиться, если бы мы опоздали к началу учебного года, а так всё нормально. Мама волнуется, конечно, но она наверняка начала волноваться уже на второй день после нашего отъезда.

– Стало быть, наше появление сенсацией не станет, – удовлетворённо кивнула Драгана. – Тогда мы сделаем так: вы с Леной езжайте до конца. Вы же на летней практике были как раз в Рифейских горах, так что это нормально, что вы приедете на Ладожский вокзал. А мы с Линой выйдем в Холопьем¹, а оттуда доберёмся сами.

¹ Холопий городок – у нас это остатки городища VIII–XIII веков к северо-востоку от Новгорода у Холопьяго озера, а в мире Кеннера это пригород Новгорода.

– Заедем только сначала на твою квартиру переодеться, – добавила Алина, и Гана согласно кивнула.

– Я бы ещё предложил пока держать в тайне наши договорённости, Гана, – добавил я. – Не стоит широкой публике знать, что мы договорились тесно сотрудничать.

– Посмотрим, – уклончиво ответила Драгана.

Что-то ты темнишь, подруга – уж не планируешь ли ты выставить меня в качестве мишени? Мне так хочется верить людям, и вообще верить в лучшее, но паранойя упорно нашёптывает мне на ухо всякие гадости.

– Хорошо, посмотрим, – согласился я. – Кстати, распорядись, чтобы Ивличи подготовили все документы для аудита, и чтобы они полностью сотрудничали с моими людьми.

– Зачем ты хочешь проводить у них аудит? – нахмурилась Драгана. – Какая в этом необходимость?

– Надо ясно понимать, где у них слабые места, и на чём их могут зацепить, – объяснил я. – А может, получится сыграть на упреждение. В общем, нам нужна полная информация, без какого-либо утаивания. Обещаю тебе, что мы этим не злоупотребим, и никакая информация дальше нашей семьи не уйдёт.

– Хорошо, я распоряжусь, – неохотно согласилась она. – И я подумаю, как помочь тебе с твоей алхимией.

– Не бери в голову, – махнул я рукой. – Я решу эту проблему. Я уже вижу несколько вариантов, главное – выбрать самый подходящий.

– Ну-ну, – недоверчиво посмотрела на меня Драгана.

Правильно сомневаешься, варианты у меня пока что совсем неопределённые. Но я всё же постепенно склоняюсь к мысли, что смогу как-то разобраться с этим без посторонней помощи. Личные отношения у нас сложились прекрасные, но до полного доверия пока ещё очень далеко, и я не собираюсь давать тебе в руки никаких верёвочек, за которые ты могла бы подёргать. Да и вообще – стоит мне хоть чуть-чуть прогнуться, и на уважение можно не рассчитывать, дальше будешь только подпрыгивать по команде. А прогнуть человека, который чем-то тебе обязан, намного проще.

Близкий гудок паровоза заглушил все разговоры и заставил нас дружно поморщиться. Я выглянул в открытое окно купе – выкрашенная в красный цвет рука семафора дёргаными движениями поднялась вверх и застыла. Поезд дёрнулся, паровозный гудок заревел снова, и я торопливо закрыл окно. Наша экспедиция подходила к концу.

Глава 1

Как-то странно себя чувствуешь, возвращаясь домой после долгой поездки. Так воспринимает окружающее человек, вернувшийся в родной город, из которого уехал лет тридцать назад – вроде бы всё вокруг до боли знакомое, но в то же время выглядит каким-то чужим. Наша поездка была хоть и совсем недолгой, но настолько насыщенной впечатлениями, что сейчас я примерно так себя и ощущал, глядя на знакомые лица.

– И как у вас успехи без меня? – я поощрительно улыбнулся присутствующим. – Отсутствие начальства должно было сказаться самым благоприятным образом.

– Всё хорошо, – ответила за всех Кира. – Всё настолько хорошо, что мне это не нравится. Наводит на мысли о затишье перед бурей.

Народ вразнобой покивал – похоже, спокойная жизнь у всех вызывала недоверие.

– Ну мы всё-таки не на войне, – рассудительно сказал я. – Что такого необычного в нормальной мирной жизни? Впрочем, это не исключает будущих проблем. Так что, в самом деле всё так замечательно?

– Заводы работают, все предприятия дают ожидаемый доход, – подтвердила Зайка. – Хотя есть небольшие моменты с лавкой, но опять же, ничего плохого.

– Какие моменты?

– Мы в начале лета увеличили цены, чтобы компенсировать ожидаемое падение спроса, вызванное поступлением нового урожая овощей и фруктов...

– Компенсировать падение спроса повышением цен – это так себе тактика, – скептически заметил я. – И что, сработало?

– Не знаю, не было возможности проверить, – вздохнула Зайка. – Падения спроса не произошло. Наоборот, спрос заметно увеличился. Я уже устала от этого постоянного лавирования – кому можно отказать, при этом не оскорбив. К тому же мы вынуждены отдавать часть урожая епископству. И ещё по дороге оставляем немного в Пскове – там есть несколько влиятельных семей, с которыми нам стоит поддерживать хорошие отношения. Я попыталась поговорить с Вороном, но он категорически отказался увеличивать посадки. Заявил, что не собирается превращать свой лес в плантацию.

– Это вообще-то мой лес, а не его, но да, Ворон больше рассчитывает на алхимию, – подтвердил я. – Будь его воля, он вообще бы отказался от любых других посадок. Он считает, что алхимия даст ему гораздо больше. Наивный, – вздохнул я. – Никак не поймёт, что придётся очень сильно делиться. Это на огурцы с картошкой смотрят снисходительно, как на баловство, а вот на алхимию у нас сразу найдётся масса компаньонов. Я пытался ему это объяснить, но от его деревянной головы все аргументы просто отскакивают.

– Тогда, может быть, получится заменить натуральный налог баронства на денежный? Продукция из церковной доли позволила бы нам покрыть дефицит и удовлетворить почти все текущие запросы.

– Не думаю, что епископ согласится, – покачал я головой. – К тому же нам самим это невыгодно – в натуральной форме мы платим налог напрямую церкви, а если мы будем этот товар продавать в Новгороде, то заплатим князю налоги и с церковной десятины.

– Политически это всё равно было бы для нас выгоднее, – настаивала Зайка.

– Епископ не согласится, – повторил я. – Я предлагал ему частично денежную форму, но он настаивает на десяти процентах урожая. Это его право, и мы с этим ничего не можем сделать. Но я поговорю с Вороном – возможно, у меня всё-таки получится убедить его увеличить посадки хотя бы на те же десять процентов. Это все проблемы с лавкой? У меня такое ощущение, что тебя ещё что-то заботит.

– Мне не нравится положение дел вообще, – хмуро сказала Зайка. – Когда маленькая овощная лавка даёт прибыль, сравнимую с прибылью среднего завода, это неправильно. Так не должно быть. Это противоречит нормальному положению вещей и не может привести ни к чему хорошему.

– Понимаю, – догадался я. – Всё, чему тебя учили, говорит, что такое невозможно, и поэтому ты чувствуешь себя неуверенно?

– Что-то вроде того, – нехотя согласилась Зайка.

– Если теория противоречит практике, то это повод критически отнестись к теории, а не объявлять, что это невозможно, – заметил я. – И кстати, почему увеличился спрос? Должна быть какая-то причина.

– Люди окончательно поверили в волшебные свойства наших продуктов. Наши постоянные покупатели в самом деле стали выглядеть лучше, помолодели, и это хорошо заметно. Ну и ещё прошёл слух, что это способствует, ну... – Зайка слегка покраснела.

– Личной жизни? – подсказал я.

– Да, – кивнула она. – В общем, спрос сильно вырос. Мы снова подняли цены, но это не помогло. Я всё же не понимаю – там действительно есть настоящий эффект омоложения или люди просто сами себя пытаются уверить?

– Действительно, – утвердительно кивнул я. – Никакого обмана нет, любой целитель это подтвердит. Лесные сумели преобразовать Силу в нейтральную и насытить ею свои растения. Это очень похоже на силу целителей. Человек, который употребляет такие плоды, становится на время в чём-то подобен одарённому и неосознанно улучшает свой организм. Кстати, Ирина – ты одарённая, поэтому для тебя эти овощи практически бесполезны. Ты сама гораздо эффективнее на себя воздействуешь.

– Они просто вкусные, – улыбнулась Стоцкая, а Ленка, засмеявшись, согласно кивнула.

– Ну-ну, – хмыкнул я. – Твоё дело, раз денег хватает. В общем, Кира, воспринимай это как волшебное лекарство, а не просто как вкусные овощи. Тем более, что так оно и есть на самом деле. Поэтому высокая цена вполне оправдана, да и конкурентов у нас не предвидится – других лесных поблизости нет, а возить издалека даже дирижаблями слишком дорого и долго.

Мне из-за опыта прошлой жизни довольно трудно было отделаться от представления о грузовой авиации, как о транспорте, который возит понемногу, но очень быстро. Это верно для реактивных самолётов, но дирижабли с самолётами имеют очень мало общего. Если говорить о привычных нам единицах измерения, то большие дирижабли возят шестьсот-семьсот тонн, но летают с экономической скоростью сорок-пятьдесят километров в час. Впрочем, маленькие курьерские легко развивают и сотню, но груз они обычно не возят. Плоды, сорванные два-три дня назад, в значительной мере свои свойства теряют, так что возить их от Рифейских гор и в самом деле не было никакого смысла.

– А вообще, Кира, я твои чувства хорошо понимаю, – сочувственно сказал я. – Мне самому эта торговля не нравится, я бы предпочёл обычный завод. Но так уж сложилась жизнь. Кстати, Антон – там бандиты больше не пытались эту лавку данью обложить?

– Обложить данью лавку, возле которой постоянно очередь машин с гербами? – усмехнулся Кельмин. – Такие идиоты даже среди бандитов не выживают. Они её вообще стараются по другой стороне улицы обходить, чтобы не дай боги, кто-нибудь не подумал, что они какие-то мысли на этот счёт питают. К тому же многие уже знают, кто такой барон фон Раппин. Я там пару человек держу, но вообще-то охрану оттуда можно и убрать.

– Не надо убирать, пусть остаются, – распорядился я. – Организованные банды стороной обходят, а какая-нибудь дворовая шайка может наоборот, решить, что это замечательная возможность заработать по-лёгкому. Дебилов просчитать невозможно.

– Тоже верно, – согласился Кельмин.

– А кстати, Кира, – вдруг вспомнил я, – как дела у нашего дорогого друга Айдаса Буткуса?

– Вернулся из Ливонии сразу после вашего отъезда на практику. Приехал весёлый, похоже, с орденом всё уладил.

– Ни секунды в этом не сомневался, – хмыкнул я, – такое не тонет. Думаю, он слишком многое знает про делишки магистра и брата-казначея. Хлопнуть его могут, а вот обвинить в чём-то вряд ли. У нас с ним проблем никаких нет?

– Совершенно никаких, – подтвердила Кира. – Ведёт себя образцово, и вообще настолько дружески к нам настроен, что я никак не могу отделаться от мысли, что где-то он нас крепко дурит.

– Очень даже может быть, – согласился я. – Приглядывай за ним повнимательнее, он не упустит ни малейшей возможности нас обокрасть или хотя бы просто подставить. Не думаю, что он всё позабыл, а учитывая, с какой фантазией Лена к нему подошла, это наверняка уже личное.

Все заулыбались, глядя не Ленку, и даже немного похлопали, отчего она ужасно смутилась.

– Ну что же, – подытожил я, – раз вы заскучили, подкину вам всем развлечение. Сиятельная Драгана Ивлич обратилась к нам с просьбой защитить её родственников, дворянское семейство Ивлич, вокруг которых происходят какие-то непонятные шевеления.

Все оживились и начали переглядываться.

– Господин, а почему она обратилась именно к нам? – озвучила вертевшийся у всех на языке вопрос Кира.

– Мы с Леной очень сдружились с Драганой за последнее время, – объяснил я. – Вот она и попросила нас о дружеской услуге.

Эта новость просто ошеломила присутствующих – за исключением, конечно, Ленки, которая тонко улыбнулась.

– Однако вы не мелочитесь, господин, – выразила общее мнение Кира. – Этак вы скоро и князя начнёте снисходительно похлопывать по плечу. И насколько мы можем рассчитывать на её поддержку?

– Пока сложно сказать точно, – пожал я плечами. – Но если мы выполним её просьбу, то поддержка будет практически неограниченной. Не то чтобы нам стоило бездумно её использовать. Чрезмерно влезать к Драгане в долги я бы не хотел.

– Тем не менее, это замечательная новость, – с энтузиазмом заметила Кира, и остальные поддержали её дружными кивками.

– Неужели вы все так рады повоевать? – с ноткой осуждения спросил я.

– А что, придётся воевать? – заинтересовался Станислав.

– Надеюсь, что нет, – хмыкнул я. – Но всё возможно. Контракты пока не бери, дружина должна быть полностью боеготова.

– Какого уровня противник ожидается? – деловито спросил Станислав.

– Пока ничего не понятно, – развёл руками я. – Но исходи из того, что противник может быть достаточно серьёзным, чтобы доставить нам трудности. Тот, кто решил пойти против Драганы Ивлич, слабым вряд ли окажется.

Станислав кивнул, что-то про себя прикидывая.

– Всем остальным обратить самое пристальное внимание на семейство Ивлич и их предприятие. Соберите всю информацию, до которой можете дотянуться. Мы должны знать о них как можно больше, прежде чем займёмся этим вплотную.

– А моим-то что делать? – озадаченно спросила Ленка.

– Приводить в порядок архивы, чем ещё архивистам заниматься? – ответил я, вызвав новую волну веселья. – Для твоих работы пока нет, к Ивличам мы зайдём совершенно официально. Но вот потом, когда мы поймём, кто наш противник, они наверняка понадобятся.

* * *

– Здравствуй, бабушка! – я ткнулся носом Стефе в щёку.

– Вспомнил наконец про старушку, – осуждающе сказала она.

– Тоже мне старушка, – я демонстративно закатил глаза. – Любите вы, молодёжь, покетничать.

Стефа засмеялась и легонько обозначила мне подзатыльник. Мои способности к эмпатии после путешествия по пещере сильно возросли, и я отчётливо чувствовал, что она и в самом деле рада меня видеть.

– Где ты пропал-то столько времени? И почему такой бледный?

– Так практика же, – объяснил я. – Вот только на днях вернулись из Рифейских гор. А бледный потому что в пещерах не сильно-то позагораешь.

– Что это они взялись вас по пещерам таскать? – недовольно спросила Стефа.

– В поисках силы и вообще, – неопределённо ответил я, и Стефа иронически фыркнула. – Нам же не особенно поясняют. А когда и пояснят, так столько тумана нагонят, что лучше бы просто соврали.

– Похоже, что принципы учебного процесса с нашего времени не особо изменились, – засмеялась Стефа.

– Так смысла нет менять, – согласился я. – Работает – не трогай.

– Ну боги с ними, с вашими преподами, – махнула рукой Стефа. – Может, с вами бестолочами иначе и нельзя. Пойдём лучше прогуляемся, смотри какой чудесный день выдался.

Я охотно поддержал это предложение – дальнейшее обсуждение нашей поездки могло завести куда-нибудь не туда. Врать Стефе мне совершенно не хотелось, а правды я сказать, разумеется, не мог. Можно было отговориться запретом рассказывать, но это как раз возбудило бы лишнее любопытство насчёт того, что там может быть такого секретного в Рифейских горах.

Мы неторопливо шли по тенистой аллейке. Наверное, вечером здесь полно гуляющего народа, но сейчас все Ренские занимались своими делами, и аллейка была пуста и безлюдна.

– А знаешь, ты заметно вырос в плане силы, – заметила Стефа, искоса поглядывая на меня. – Очень заметно. Не знаю, как они там вас сейчас учат, но результат налицо.

– А как ты определила, что я стал сильнее? – полюбопытствовал я.

– Это легко увидеть, если можешь различать мелкие структуры Силы, – ответила Стефа. – Попробуй, вполне возможно, что у тебя это уже получится. Одарённый как бы искривляет поле Силы, и по уровню искажения можно примерно определить его уровень. Хотя некоторый навык, конечно, нужен, и работает это только с не очень сильными Владеющими, которые ещё не могут полностью контролировать своё окружение.

– То есть ты можешь просто так, одним взглядом, определить ранг Владеющего? – удивился я.

– Нет, – покачала головой Стефа, – я могу определить насколько сильна его воля. Но кроме воли, нужны ещё знания и навыки. Если смотреть только по уровню развития воли, то ты, возможно, уже тянешь на Старшего, но при этом тот же Менски способен тебя гонять пинками, не особенно при этом напрягаясь. То есть это скорее потенциал – примерно как основа у школьников. Хотя правильной будет сказать, что основа показывает, как хорошо Сила тебя слышит, а воля – насколько громко ты можешь говорить. С развитием воли основа постепенно теряет своё значение – если ты говоришь достаточно громко, Сила тебя в любом случае услышит. Однако просто громко крикнуть недостаточно – нужно ещё и вложить правильный смысл, понимаешь? То есть нужны и воля, и умение.

– Ясно, – кивнул я. – Очень хорошая аналогия, сразу всё понятно.

Мы замолчали, здороваясь со встречными. Стайка детей лет двенадцати с женщиной-воспитательницей вежливо поклонились нам. Кланялись они скорее Стефе, а не мне, но меня они при этом пожирали глазами, горящими любопытством.

– Почему они на меня так смотрели? – с недоумением спросил я у Стефы после того, как мы с ними разошлись. – Или они на всех чужаков так смотрят?

– О, ты у нас довольно знаменит, – усмехнулась Стефа. – Про тебя среди молодёжи ходят просто удивительные истории. Ну знаешь, что-то вроде Прометея², которому клевали, клевали печень, но так и не сумели доклевать, и он в результате расцвёл пуще прежнего.

– Что-то ты сегодня прямо фонтанируешь яркими аналогиями, – хмыкнул я. – Даже не знаю, нравится ли мне такая роль или нет.

– Роль сугубо положительная, даже, пожалуй, героическая, так почему бы она тебе не нравилась? – пожала плечами Стефа. – Нет, в самом деле, молодые относятся к тебе с большим уважением. Ну ладно, вернёмся к нашим занятиям. Раз уж учебный год ещё не начался, обойдёмся сегодня без упражнений, а вместо этого просто побеседуем. О чём ты хотел бы поговорить?

Я задумался. О чём бы её спросить? Не так уж часто она выражает готовность отвечать на мои вопросы, хотелось бы использовать такую возможность по максимуму.

– Я хотел бы поговорить о Высших, – наконец решил я. – Их положение в княжестве, и какую роль они вообще играют. Кто они для княжества, и что княжество для них?

– Не совсем подходит под тематику наших занятий, не находишь? – искоса посмотрела на меня Стефа.

– Да, это скорее политика, – согласился я, – но всё же вопрос связанный, и он в последнее время начал меня сильно занимать.

– Высшие, говоришь, – вздохнула Стефа. – Не люблю я это слово. Пафосное оно какое-то. Слишком пафосное, и совсем не отвечающее реалиям.

Я молчал, вопросительно глядя на неё.

– Это название подразумевает, что это вершина, но на самом деле мы не настолько сильны, просто прикидываемся такими для публики. С одной стороны, я понимаю, что в этом есть свои резоны, но с другой стороны, когда люди рано или поздно поймут, что мы не так сильны, как из себя изображаем, маятник качнётся в другую сторону. Нас будут считать слабее, чем мы есть, и нам придётся пролить немало крови, чтобы доказать, что это не так. Не говоря уже о том, что даже такая мелкая ложь неизбежно оставляет отпечаток на душе и затрудняет дальнейший путь.

– У меня не создалось впечатления, что Высшие так уж слабы, – осторожно возразил я.

– Ты судишь по своей матери, – усмехнулась Стефа. – Мила очень сильна, просто чудовищно сильна. Вполне возможно, что она не слабее деда. Хотя от неё этого никто не ожидал – до изгнания она ничего подобного не показывала. Она была способной, конечно, но ничего особо выдающегося.

Я-то могу предположить, в чём тут дело – наверняка, когда Сила помещала мою душу в плод, мать это тоже затронуло. Во всяком случае, это выглядит наиболее вероятным объяснением. Всё-таки будущая мать и её ещё неродившийся ребёнок очень тесно связаны и не могут не влиять друг на друга.

– Понимаешь, о Высших судят по таким монстрам, как Кеннер Ренский и Милослава Арди, а мы просто прячемся в их тени. Можешь мне поверить, среди нас не найдётся никого, кто захотел бы сразиться с твоей матерью. Даже вдвоём-втроём. Нет, не подумай, что мы совсем

² Наверняка все читатели помнят легенду о Прометее, которого Зевс приковал к скале и каждый день посылал орла клевать ему печень.

уж слабаки... переход на десятый ранг – это в самом деле очень большой скачок. Просто наш образ в глазах публики сильно расходится с действительностью. И мне это не нравится.

– Не буду спрашивать о твоей силе, но что ты скажешь, например, про Алину Тирину и Драгану Ивлич?

– Они как раз сильны, – ответила Стефа после небольшого раздумья. – Мы, конечно, никогда не раскрываем свою силу, но можно уверенно сказать, что они заметно выше среднего уровня. И они продолжают развиваться. Я думаю, что их как раз вполне можно назвать Высшими.

– И какова в таком случае роль Высших в княжестве?

– Всё просто, Кеннер. Мы – одна из опор княжеского трона, и не более того. Конечно, нельзя сказать, что мы прямо так уж прыгаем по команде, как собачки. Нет, князь нас, безусловно, уважает, и у нас множество льгот, и вообще. Но тем не менее князь нас вполне надёжно контролирует, так же, как и дворян. Разумеется, очень сильным Высшим вряд ли получится управлять, и знаешь что? Нас с Ольгой не оставляет мысль, что тогдашний князь мог стоять за убийством деда. Кеннер Ренский был слишком силён, чтобы его можно было контролировать, а правители такого не терпят. Я в это всё-таки не очень верю, а вот Ольга верит, оттого и не любит княжескую семью.

– Неожиданная мысль, – признал я. – Хотя такое нельзя исключить. Интересно, а что думает по этому поводу Алина Тириня?

– Не имею ни малейшего понятия, – пожала плечами Стефа. – Мы с ней никогда это не обсуждали. Мы вообще с ней деда не обсуждали. Но есть один интересный момент – тогдашний князь совсем ненадолго пережил Кеннера Ренского. И никто так и не понял, отчего он умер.

– Знаешь, ты меня заставила сейчас беспокоиться за мать, – сказал я, будучи уже в полном смятении.

– Не думаю, что за неё нужно волноваться, – успокоила меня Стефа. – Мила очень мудро не лезет в политику, и у князя к ней нет никаких претензий. Кроме того, я уверена, что княжеская семья усвоила урок, и князь прекрасно понимает, что подобное даром не пройдёт. Это даже не говоря о том, что никто не хотел бы терять такого целителя. В общем, не беспокойся о ней. Но на всякий случай всё же держи её подальше от политики. Хотя было бы ещё лучше, если бы она вообще не вылезала со своим чудом света, но что сделано, то сделано.

Глава 2

Дом мне приходилось строить, и даже не раз, но это была первая моя стройка, где от меня не потребовалось месить бетон или красить стены. Деньги, конечно, счастья купить не могут, зато могут сильно убавить количество несчастий. Словом, эта затянувшаяся стройка наконец подошла к концу и плавно сменилась переездом – процессом ещё более безумным. Мои женщины плотно погрузились в это нелёгкое занятие, а я сбежал на работу, появляясь обычно только поздним вечером с видом человека, утомлённого до последней степени. Меня жалели и старались не напрягать лишний раз. Что я больше всего ценю в женщинах, так это доброе сердце, хотя красота тоже характеристика не последняя.

Но шутки шутками, а переезд заставил меня задуматься о том, что пора бы, наконец, как-то решить проблему с охраной, которая давно уже назрела и перезрела. Охрана поместья у нас была поставлена из рук вон плохо. Причина была совершенно очевидной – поместье представляло из себя не совсем правильный прямоугольник площадью немногим больше двух квадратных вёрст, то есть примерно девять квадратных километров. Крохотный отряд «Рыжая рысь», который вместе с командиром насчитывал двадцать восемь человек, никак не мог организовать охрану семи с половиной вёрст периметра. Собственно, чтобы обеспечить более или менее надёжное прикрытие этих шестнадцати километров границы, потребовался бы, наверное, целый полк.

Задача с первого взгляда казалась почти неразрешимой, но ведь роды как-то же умудряются охранять родовые поместья без толп ратников. А к примеру, поместье Ренских было раза в два больше нашего – для его охраны, пожалуй, едва хватило бы всей нашей дружины. В конце концов, после мучительных раздумий мне пришлось идти на поклон к Стефе. Когда я объяснил ей проблему и смиренно попросил совета, она с некоторым удивлением ответила:

– Кеннер, ты же сам прекрасно знаешь, как это делается. Мы используем духов и платим им энергией источника.

– Я так пробовал и ничего хорошего из этого не вышло, – возразил я.

– И не могло выйти, – подтвердила Стефа. – Ты пытался использовать старого сформировавшегося духа, и договаривался с ним. Тебе ведь не раз говорили, что с духами договариваться невозможно, они просто не понимают добровольно взятых на себя обязательств.

– И как тогда с ними иметь дело?

– Нужно не договариваться, а подчинять. Примерно как ты принимаешь клятву у слуг, только дух отдаёт источнику не кровь, а часть своей сущности. Ну и условия ему ставятся гораздо более жёсткие. Не просто верность, а абсолютное подчинение. Но это работает лишь с очень слабыми духами, которые едва начали обретать форму и только-только обрели способность общаться. Со старыми духами это не выйдет – они уже в значительной мере обрели независимость, и подобную клятву приносить не будут.

– И почему ты мне это сразу не сказала? – возмущённо спросил я.

– Потому что знание, которое достаётся без малейшего усилия, никакой пользы принести не может. Я бы тебе это рассказала, если бы ты взял на себя труд хотя бы задать вопрос.

– Но я же не знал, что именно нужно спросить!

– Если ты не знаешь, что спросить, значит, тебе не нужен ответ, – спокойно ответила Стефа, и я не нашёлся что возразить.

– Ну хорошо, я спрашиваю сейчас, – вздохнул я. – Почему духи вообще на это идут? Это же совершенно беспросветное рабство.

– Ты рассуждаешь с точки зрения человека, – покачала головой Стефа. – Это неверный подход. Если ты хочешь понять мотивы другого существа, попытайся увидеть вещи его глазами. Мелкие духи чувствуют очень сильное давление Сияния. Оно безжалостно отбраковывает

ваит любого духа, стоит ему хоть чуть-чуть задержаться в развитии. Очень немногие из них выживают в процессе, им просто не хватает энергии для этого. Но если дух подчиняется тебе в обмен на доступ к источнику, он перестаёт зависеть от Сияния и спокойно развивается. Это для него гарантия выживания. А насчёт беспросветного рабства – это полная глупость. Дух воспринимает время совсем иначе. Пройдёт тысяча лет, или десять тысяч, или даже сто, и дух в конце концов освободится естественным образом. Твои потомки исчезнут или твоя кровь станет слишком разбавленной. Для духа даже выгодней, чтобы это произошло как можно позже, потому что всё это время он будет получать энергию источника.

– А сильные духи на это не идут?

– Им это невыгодно. У них уже накоплен большой запас энергии, и Сияние на них почти не давит. Он с удовольствием получит от тебя даровую энергию, но служить за неё тысячи лет не станет. А чего стоит договор с ними, ты и сам убедился.

* * *

– Господин, – раздался голос Миры из переговорника, – с вами хочет поговорить госпожа Нежана Чермная.

Семейство Чермных было одним из немногих дворянских семейств, главой которого была женщина. Не то чтобы это не поощрялось, или того пуще, запрещалось, но всё же традиционно дворянские семьи управлялись мужчинами – в отличие от родов, которые в среде дворян презрительно именовались «курытниками». Разумеется, только среди своих – сказать подобное в глаза даже рядовым родовичам мало кто решался, ну а Мать рода за подобное оскорбление могла просто прибить и была бы в своём праве.

О семействе Чермных я знал крайне мало. Вроде они имели какое-то отношение к полезным ископаемым – то ли их добывали, то ли обогащали, то ли просто активно употребляли в качестве сырья для чего-то. Словом, для серьёзного разговора с главой семейства информации было совершенно недостаточно.

– О чём она хочет поговорить?

– Госпожа Нежана хотела бы обсудить осеннюю сессию Совета Лучших, – доложила Мира.

– Соединяй, Мира, – вздохнул я.

В трубке щёлкнуло, и послышался низкий бархатистый голос, при звуке которого у меня сразу возникло впечатление заядлой сердцеетки:

– Здравствуйте, господин Кеннер. Благодарю, что нашли время для разговора со мной.

– Здравствуйте, госпожа Нежана. Ну что вы, я всегда готов с вами побеседовать.

– Рада это слышать, господин Кеннер, – мягко засмеялась собеседница. – Надеюсь, что у нас будет случай познакомиться поближе.

Я закатил глаза к потолку, пользуясь тем, что она меня не видит. Да-да, а я к тому же надеюсь, что ты это говоришь безо всяких пошлых намёков.

– Разумеется, такой случай у нас будет, и совсем скоро, – подтвердил я. – Мы в самом ближайшем времени устраиваем большой приём в связи с новосельем, и вы, конечно же, получите приглашение. Буду рад познакомить вас с моей женой, Леной Менцевой-Арди.

– О, благодарю вас, – с придыханием сказала Нежана. – Но я звоню вам вовсе не для того, чтобы отвлекать вас от важных дел пустой женской болтовнёй. Скажите, господин Кеннер – вы же собираетесь участвовать в осенней сессии?

Ещё пять минут назад не собирался, но уже чувствую, что придётся.

– Конечно, госпожа Нежана, – уверенно подтвердил я.

– Могу ли я узнать ваше мнение по поводу шестой поправки?

– Мы пока вырабатываем нашу позицию, – уклончиво ответил я. Ещё бы знать, что это за шестая поправка, и что она, собственно, поправляет.

– Я и мои друзья предлагаем вам голосовать консолидировано. Это в ваших интересах, господин Кеннер, и в интересах всех здравомыслящих людей, которые хотят справедливого решения вопроса. Консолидированное голосование покажет нашу силу.

Ну конечно же, это в моих интересах, какие здесь могут быть сомнения. Я ведь и сам до того болею за справедливость, что даже кушаю плохо³. Вот ещё интересный вопрос: справедливое решение – это «за» или «против»?

– Заверяю вас, госпожа Нежана, что мы самым внимательным образом изучим ваше предложение, – пообещал я.

– Я рада, что смогла вас убедить, – с энтузиазмом откликнулась Чермная. – До свидания, господин Кеннер, с нетерпением жду нашей встречи!

В трубке запикали короткие гудки. Смогла убедить? До чего реактивная женщина, прямо экспресс «Луна-Марс». Что-то я уже начинаю опасаться, что с таким стремительным подходом она при нашей встрече сразу сделает мне подножку и в самом деле познакомится поближе. Я немного посидел в раздумьях, неопределённо покрутил головой и нажал кнопку селектора:

– Мира, вызови Ирину Стоцкую и заходи сама, вы обе мне нужны.

Уже через пять минут обе сидели у меня и выжидающе на меня смотрели.

– У нас возникла неожиданная проблема, – вздохнув, начал я. – Точнее, эта проблема всегда была, я просто игнорировал её существование. Похоже, что больше игнорировать не получится. Кстати, кто-нибудь знает тему осенней сессии Совета Лучших?

– На осенней сессии будет обсуждаться несколько вопросов, – откликнулась Мира. – Но первым и основным будет обсуждение поправок к лицензионным правилам разработки рудных месторождений.

– Понятно, – озадаченно сказал я. – А что из себя представляет шестая поправка?

– Извините, господин, я не готова ответить на этот вопрос, – виновато сказала Мира. – Эта тема от нас довольно далека, и я не вдавалась в детали. Я выясню и доложу вам.

– Хорошо, – кивнул я. – Но давайте я объясню вам суть проблемы. Возможно, вы знаете, что наше семейство в некотором роде уникально. А именно, мы являемся единственным семейством, которое имеет не один, а два голоса в Совете Лучших – мой как главы семейства, и моей матери, как Высшей. До сих пор я по большей части пренебрегал участием в работе Совета, но судя по всему, дальше так поступать не получится. Наши голоса нужны всем. На нас начинают понемногу давить, и скоро на нас начнут давить люди, которым очень сложно отказать. То есть либо мы сами наконец начнём использовать наши голоса, либо их начнут использовать другие.

– А мы не можем эти голоса временно делегировать кому-нибудь из союзников? – спросила Ирина. – Тем же Тириным, например.

– К сожалению, этот вариант нам категорически не подходит, – покачал я головой. – И дело даже не в том, что отданные голоса впоследствии будет почти невозможно получить назад. Голос в Совете Лучших является для любого семейства безусловной ценностью и показателем статуса. Отдавая кому-то наши голоса просто так, мы этим объявляем о своём подчинённом положении. Это полностью уничтожит нашу репутацию, никто не станет иметь серьёзных дел с зависимым семейством.

– И что делать?

– Участвовать в работе Совета, что же ещё? – ответил я. – И чтобы это участие имело смысл, мне надо точно понимать, что и зачем я делаю. То есть по всем вопросам, которые рас-

³ Здесь Кеннер, по всей видимости, переиначил фразу из фильма 1977 г. «Мимино»: «... такую личную неприязнь я испытываю к потерпевшему, что кушать не могу...».

смаатривает Совет, мне нужна полная и точная информация: в чём состоит вопрос, что лежит в основе, кто в нём заинтересован, а кто наоборот, является противником. Каким образом сторонники рассчитывают получить выгоду, и каким образом принятое решение ущемит противников. Состав группировок, расклад сил, в общем, всё-всё-всё.

Дамы начали задумчиво переглядываться.

– Да-да, я знаю, что вас сейчас волнует, – усмехнулся я. – Координировать эту работу будет Мира. Мира, ты собираешь всю официальную информацию и намечаешь для Ирины области интереса, а она уже раскапывает через агентуру разные грязные подробности. Ирина, я понимаю, что для тебя не очень приятно быть на вторых ролях, но в данном случае именно Мире виднее, на какие моменты обратить внимание. Но ты можешь подавать свои данные отдельно от Миры лично мне, так что твой вклад незамеченным не останется. Если потребуется расширение штата, подавайте заявки госпоже Кире. И кстати о штате, Мира – найди мне, наконец, секретаршу. Я хочу, чтобы ты занималась исключительно руководством, а варить кофе и отвечать на звонки вполне может и не такой высокооплачиваемый сотрудник.

– Да, кстати, и секретаршу не обязательно искать такую же красивую, – добавил я напоследок. Ирина заухмылялась, а Мира зарделась. Нет, всё же поразительно, насколько легко она краснеет – из-за этого временами просто невозможно удержаться, чтобы слегка её не подначить.

* * *

Я заглянул в комнату, где Ленка с азартом командовала рабочими, с трудом двигающимися какой-то совершенно неподъёмный с виду шкаф.

– Лен, ты мне нужна, – позвал я, уловив момент, когда пыхтение и крики немного притихли.

– Надолго? – неохотно отвлеклась она.

– Надолго, – подтвердил я. – В самом деле нужна.

– Хорошо, – покорно вздохнула она и строго обратилась к рабочим: – Вот здесь и поставьте, где я показала. А потом заносите второй и ставьте его точно напротив. Пошли, Кени, – уже мне.

Мы спустились по парадной лестнице, пропустив очередную группу грузчиков, тащивших Ленкин клавир. Я вспомнил, какого размера чугунная рама у него внутри, и посочувствовал беднягам.

– Куда мы? – спросила Ленка, когда мы вышли из парадного подъезда, едва увернувшись от ещё одной бригады с огромным обеденным столом.

– В святилище, – ответил я. – Надо подчинить духов, чтобы они следили за поместьем.

– Не нравится мне это, – поморщилась Ленка. – Неужели без этого никак? Тебе мало было мороки с Ингваром?

– В этот раз мы пойдём другим путём, – пообещал я. – Стефа мне рассказала, что нужно делать.

– И что нужно делать?

– Подчинять, – ответил я. – Абсолютно, и безо всяких условий.

– А они подчинятся? Без условий-то?

– Куда они денутся, – хмыкнул я. – Кто не захочет, тот должен будет уйти. Независимых духов у нас здесь не будет. Но я думаю, никто уходить не захочет.

– То есть у нас будет новый леший?

– Ну уж нет, это мы уже проходили с Ингваром, – отрицательно покачал головой я. – Если духу выделить отдельное владение, он вскоре забывает, кто в нём на самом деле хозяин, и

начинает считать его своим. Впрочем, для людей это тоже характерно. Нет, они будут работать совместно, и ничего своего у них не будет. Будет у них коллективное хозяйство.

Колхоз духов, а я в нём председатель – это действительно смешно, и я немного похихикал. Ленка, конечно же, ничего не поняла и недоумённо на меня посмотрела. Но говорить ничего не стала, явно списав это на очередную мою странность.

– А я-то тебе зачем нужна? – вместо этого спросила она. – Ты сам разве не можешь у них клятву принять?

– Могу, конечно, – подтвердил я. – Но я хочу, чтобы ты тоже могла им приказывать. Это неправильно – завязывать всё на одного меня.

– А, ну тогда ладно, – согласилась Ленка.

Мы не торопясь шли по мощёной дорожке, обсаженной молодыми липами. Я взял её за тёплую ладошку, и она в ответ слегка сжала мне руку.

– Кени, а о детях ты задумывался? – вдруг спросила она, испытующе посмотрев на меня.

Я-то давно уже задумываюсь, а вот и ты задумалась, наконец. Девочка выросла, и простые куклы перестали её устраивать.

– Конечно, милая, – мягко ответил я. – Я, в принципе, готов хоть сейчас, но я всё же предпочёл бы, чтобы ты сначала закончила Академиум. Я не хочу, чтобы ты бросала учёбу, а нормально учиться с ребёнком ты не сможешь. Няня, конечно, решает проблему, но чем больше няни, тем меньше мамы, понимаешь?

– Понимаю, – задумчиво кивнула она. – Наша мама тоже вечно была вся в делах, и у меня вместо мамы был ты.

– Скажешь тоже, – засмеялся я.

Ленка только улыбнулась в ответ той снисходительно-понимающей улыбкой, которую женщины используют исключительно на мужчинах, и которая заставляет нас чувствовать себя слегка слабоумными.

– То есть ты хочешь, чтобы я родила через три года, когда мы закончим Академиум?

– Только если ты сама захочешь. Если ты решишь ещё погулять без детей, я возражать не стану.

Ленка замолчала, глубоко погрузившись в свои мысли. Ну, раз уж она начала сейчас об этом задумываться, то наверное, через три года как раз и созреет.

Минут через пятнадцать мы добрались до святилища. Высокая дверь морёного дуба слегка скрипнула, впуская нас в темноватый зал.

– Надо будет петли смазать, – озабоченно заметил я.

– И прибрать бы здесь надо, – добавила Ленка, нагнувшись и проведя пальчиком по полу. – Откуда-то уже пыль налетела.

– Да это после строительства пыль, она долго оседает, – махнул я рукой, попытавшись волевым усилием сдвинуть воздух рядом.

К моему удивлению, всё получилось очень легко, и воздух послушно двинулся, закручиваясь вокруг нас. Вихрь вертелся по помещению, выдувая и захватывая пыль изо всех углов, пока я лёгким движением руки не выпустил его наружу.

– Ну ты даёшь, Кени, – ошарашенно сказала Ленка. – А я так смогу?

– Сможешь, наверное, – неуверенно ответил я. – Знаешь, я сам удивился. Даже не думал, что получится. Точнее, я вообще ни о чём не думал, просто сделал, а потом начал удивляться.

– Мне кажется, это поход в пещеру на нас так повлиял.

– Тоже так думаю, – согласился я. – Мы несколько дней были в месте с такой концентрацией Силы, что обычный человек существовать там не может. Наверняка какая-то настройка произошла.

– Интересно, а что мы ещё можем?

– Со временем узнаем, – решил пока закончить обсуждение я. – Давай всё же покончим с нашим делом. Сосредоточились, и вместе...

Источник откликнулся мгновенно. Я ощутил его как огромное светило, неудержимо притягивающее нас, букашек, к себе. Но на этот раз мы смогли устоять и остались в стороне, ошущая всё поместье, но не входя в полное единение.

– Как их много... – удивлённо сказала Ленка.

Действительно, в поместье прибавилось духов – если раньше их можно было буквально пересчитать по пальцам, то сейчас их было не меньше сотни разных, от крохотных бесформенных облачков до вполне развитых, достигших почти человекоподобного состояния.

– Сползлись на дармовую силу, – ответил я, изучая это скопление. – Похоже, Ингвар раньше их жрал понемногу или, может, просто не пускал. Вот смотри – нам нужны небольшие облачка несимметричного вида, то есть те, которые начали приобретать какую-то форму, но ещё полностью не сформировались. Вот как этот, видишь? – я выдернул небольшого духа. – Высматривай таких и тащи сюда, нам нужно примерно пару десятков.

Когда перед нами собралась небольшая кучка испуганно мечущихся духов, я построил тот самый запрещённый конструкт Драганы для ментального усиления. Конструкт сработал как надо, и я странслировал духам предложение службы. Как Стефа и говорила, никто не отказался. Согласие пришло мгновенно, и духи тут же успокоились.

Всего у нас набралось девятнадцать духов, и каждый из них стоил нам по капле крови. Наконец, все духи поклялись на источнике своей сущностью служить нам и нашим потомкам, и мы с облегчением вышли из единения с источником, напоследок одним усилием воли вышвырнув лишних духов из поместья.

Я разделил наших духов на две половины. Первая половина должна была следить за территорией поместья, сообщая о любых событиях охране. Второй группе я поручил следить за всеми обитателями поместья, за исключением мамы, и докладывать нам обо всём, что может представлять интерес.

– Как-то нехорошо это, шпионить, – поморщилась Ленка.

– Это будет нехорошо, если кто-то об этом узнает, – возразил я. – Пока об этом знаем только мы двое, всё хорошо.

– Ты всё-таки параноик, Кени, – вздохнула она.

– Наверное, – грустно согласился я. – Весь мой небольшой запас доверия полностью ушёл на тебя с мамой.

– Не могу тебя осуждать, – ещё раз вздохнула Ленка. – На твоём месте я, наверное, тоже не смогла бы никому верить. И что нам с этими шпионскими докладами делать?

– Обучать духов, – ответил я. – Они поначалу будут приносить разную бесполезную информацию вроде того, кто суп пересолил. Им надо давать понять, какая информация ценная, какая не очень, а какая вообще не нужна. Со временем они обучатся и будут сообщать только действительно важные сведения.

Глава 3

Лена повернула с небольшой неприметной аллейки на совсем узкую дорожку, которая тут же свернула за разросшиеся кусты. Затем дорожка свернула ещё раз и закончилась у большой трансформаторной будки, пристроенной прямо к зданию штаба дружины. На будке красовались положенные грозные надписи, но Лена отнеслась к ним совершенно равнодушно. Правда, и большие железные двери, из-за которых доносилось гуденье трансформаторов, интереса у неё тоже не вызвали. Вместо этого, она зашла за угол, где обнаружилась маленькая и изрядно ржавая железная дверца, к которой была кривовато привинчена облезлая табличка с черепом и костями. Проигнорировав замочную скважину, Лена засунула никелированный ключ сложной формы в неприметное отверстие, и дверь с резким щелчком открылась. Внутри она оказалась на удивление массивной и совсем не ржавой.

Лена вошла в узкий проход, аккуратно прикрыв за собой тяжёлую дверь, и под потолком тут же зажглась тусклая лампочка. Короткий проход закончился узкой металлической лесенкой; за ней обнаружился ещё один тесный коридор с неоштукатуренными стенами, который привёл к металлической двери с маленьким окошком из бронестекла и амбразурой. Необычный ключ сработал и здесь, и Лена, наконец, оказалась в помещении архивного отдела. Архивных материалов в нём, однако, отроду не водилось, если, конечно, не считать журнала эротического содержания, который сейчас лениво листал Радим Расков.

– Лена! – подняв глаза на стук двери, радостно воскликнула Марина Земец. – А мы тебя уже потеряли!

– Привет, Марин! – улыбнулась ей Лена. – Привет, головорезы!

Архивисты нестройно отозвались на приветствие, и по радостным улыбкам было видно, что по начальству они и в самом деле соскучились.

– Где вы были-то так долго? – поинтересовалась Марина.

– Лазили по горам и пещерам, – неопределённо ответила Лена. – Мы и не планировали столько времени путешествовать, просто так получилось. Кеннер разозлился ужасно, у него какие-то важные дела дома были, а вышло так, что мы целое лето потеряли.

– Кеннер умеет злиться? – удивилась Марина.

– Ещё как умеет. Он просто виду не показывает, но я-то знаю, когда он злится. А у вас что здесь происходило? Как ты покомандовала?

– Убила бы этих дятлов, – в сердцах сказала Марина, и Радим на всякий случай прикрылся журналом, выставив на всеобщее обозрение сисястую девицу, которая призывно скалилась с обложки.

– Ну-ка, ну-ка, рассказывай, – заинтересовалась Лена. – Уже представляю себе какую-нибудь эпическую историю.

– Да никакой эпичности, исключительно тупость, – с досадой отозвалась Марина. – В общем, дело было так: сотня Светлана поехала на контракт в Польшу. Ну я и уговорила Светлану взять с собой нас, чтобы не скучать здесь. А там была обычная история: двое дворянчиков поспорили, а воевода их по какой-то причине рассудить не захотел и сказал разбираться самим. Ну они и стали разбираться. Один из них нанял нашу сотню, мы начали осаждать замок другого, в общем, всё шло, как положено. И вот эти самые придурки как-то выпили тамошней польской водки и решили, что им скучно в осаде сидеть. И тогда они залезли в замок и зарезали хозяина. Вроде как победили.

– Но не победили? – утвердительно спросила Лена.

– Нет, конечно. Так война не ведётся. Надо победить, а просто зарезать любой дурак может. Нам же надо было взять замок, чтобы потом его можно было ограбить. Там половина пошла бы нанимателю, а половина нам. И за хозяина ещё можно было выкуп взять. А так

воевода просто объявил конец вражде, скорее всего, семья убитого ему хорошо занесла. Нам пришлось снимать осаду, соответственно грабить нечего, добычи нет. Наниматель даже хотел закрыть контракт с частичной оплатой, но к счастью, никто не узнал, что того дворянчика наши зарезали. Списали на какого-то мстителя с ещё позапрошлой осады, так что наниматель всё же оплатил контракт полностью. Ну а до Светана всё-таки дошло, благодаря кому мы остались с голым контрактом безо всякой добычи. Как он на меня орал... до сих пор, как вспомню, так рука тянется этих троих убить.

«Эти трое» каким-то образом ухитрились сделаться совершенно незаметными.

– И в самом деле, драма, – согласилась Лена. – Даже, пожалуй, трагедия, учитывая, что персонаж умер. А я-то всё гадала, чего это Станислав так странно ухмыляется. Да уж, бойцы, отличились вы. А вот Кеннер, между прочим, всегда мне говорил, что насилие ничего не решает.

– Это как так не решает? – с недоумением спросил Радим, от удивления забыв прикидываться ветошью.

– А вот так и не решает, – объяснила Лена. – Если бы Кеннер там был, то вообще никто бы не помер. Он всех бы помирил, а ему за это все бы заплатили, включая воеводу. Как-то вот так у него всегда выходит.

Радим недоверчиво хмыкнул, но предпочёл не комментировать.

– В общем, мы сейчас сидим здесь тихо, как мышки, и с вояками стараемся не встречаться, – завершила грустную историю Марина.

– Ну, сидеть здесь всё время тоже не вариант, с этим надо что-то делать, – Лена задумалась, прикидывая. – Я попробую уладить конфликт через Кеннера, но если у кого-то вдруг хватит тупости меня подвести, то объясняться он будет сам. Лично с Кеннером. Это всем понятно?

Провинившиеся поспешно подтвердили полное понимание кивками и мычанием. Объясняться с Кеннером не хотелось никому.

– У Кеннера на нас какие-нибудь планы есть? – поинтересовалась Марина.

– Есть, – подтвердила Лена, вызвав среди личного состава переглядывания и улыбки. – Пока ждём, но похоже, что чуть попозже будет и для нас работа.

* * *

– Ты только посмотри на Ваню, – толкнула меня в бок Ленка.

– Где? – Я завертел головой.

– Да вон же, справа от входа они стоят.

Я поискал взглядом справа от входа в главный корпус Академиума и сразу же обнаружил Ваню, который что-то нашёптывал на ухо Смеле. Та, захихикав, отстранилась и игриво шлёпнула Ивана ладошкой.

– Судя по всему, Иван научился говорить женщинам пошлости, – заметил я. – Город всё-таки развратил простого деревенского парня.

– А ты мог бы тоже говорить мне пошлости, – заявила Ленка.

Я только безмолвно закатил глаза. Двух жизней явно недостаточно, чтобы начать понимать женщин. Иногда мне кажется, что они что-то вроде инопланетных пришельцев, у которых мозг работает как-то перпендикулярно. Вот попробуй угадай, какого рода пошлости она желает выслушивать. А может, на самом деле даже и не желает, а сказала просто потому, что само сказалось. Спрашивать бесполезно – она наверняка сама не знает.

К парочке присоединилась вышедшая из корпуса Дара, которая из солидарности тоже шлёпнула Ваню.

– Дара требует свою долю пошлостей, – захихикала Ленка.

– Ладно, что тут стоять, – вздохнул я. – Пойдём спасать бедного Ваню.

– А чего его спасать, – пренебрежительно хмыкнула Ленка. – Он совсем не выглядит заморённым, девчонки его бережно эксплуатируют.

– Ага, и соблюдают регламент техобслуживания, – саркастически добавил я. – Пойдём уже.

Ленка относилась к Ивану со снисходительным презрением, хотя на людях, разумеется, этого не показывала. Отчего у неё возникло такое отношение, и чем Иван это заслужил – было совершенно неясно. Скорее всего, неблагоприятным первым впечатлением при знакомстве, которое, как известно, изменить очень сложно. Впрочем, непохоже было, чтобы Ваня как-то старался это впечатление изменить.

Семья Сельковых была настолько увлечена общением, что заметила нас, только когда мы приблизились почти вплотную. Последовали радостные приветствия, а потом наши одногруппники решили обменяться впечатлениями о проведённом лете. Ну, это легко было предвидеть, так что я уже полностью был готов увиливать от неизбежных вопросов.

– У вас-то где была практика? – с любопытством спросил Иван.

– Всего несколько дней назад вылезли из пещеры в Рифейских горах, – ответил я чистую правду.

– Вас опять в пещеру загнали? – ахнули девчонки.

– От некоторых предложений очень трудно отказаться, – пожал я плечами.

– Это, наверное, потому что вы дворяне, – авторитетно заявил Ваня. – Преподы же Владеющие, дворян не очень любят.

– Много кто много кого не любит, – туманно ответил я, – так что не угадаешь. Но вообще-то среди Владеющих немало дворян, далеко не все от дворянства отказываются.

– Кстати, мы тоже решили не отказываться, – сказала Дара.

– Вам пока торопиться некуда, – заметил на это я, – у вас до этого ещё три года. Но я всё же посоветовал бы вам сначала как следует изучить уложения, касающиеся дворянства. Я вам это уже говорил, но такую важную вещь стоит и повторить.

– Ты не одобряешь?

– Наоборот, одобряю, хотя к чему бы вам было моё одобрение. Понимаешь, довольно много людей принимают дворянство, не обдумав как следует, и не понимая толком права и обязанности. А потом дело кончается лишением дворянства, и никому от этого хорошо не бывает.

– Вот вас, например, никто дворянства не лишит, – хмуро заметил Иван.

– Ты всё за социальную справедливость сражаешься? – засмеялся я. – Только теперь за права молодого дворянства. А как же крестьяне – уже пройденный этап?

Ваня насупился, как он традиционно поступал, когда ему нечего было возразить.

– Иван, ты слишком торопливо судишь, – вздохнув, попробовал объяснить я. – Ты смотришь на то, что лежит на поверхности, и не понимаешь, что именно благодаря этому ты вообще можешь стать дворянином.

– Это как? – с изумлением вытаращился на меня он.

– Очень просто. У нас в княжестве поощряется обновление сословий, поэтому любой желающий может в принципе достаточно легко заслужить дворянство. Но при этом обязательно нужен фильтр, иначе дворянство быстро превратится непонятно во что. Это вообще общий закон – чем проще социальный лифт, тем жёстче должен быть фильтр. Лишение дворянства и есть такой фильтр, который отсеивает недостойных, и вообще тех, кто не относится к дворянской чести достаточно серьёзно. Вы будете как бы на испытательном сроке, а вот лишит дворянства ваших детей будет уже гораздо сложнее. А в империи, к примеру, дворянства не лишают, зато получить дворянство у них очень сложно. Даже не знаю, что нужно сделать там крестьянину, чтобы стать дворянином. Наверное, спасти на поле боя императора или хотя бы фюрста.

Семья Сельковых начала озадаченно переглядываться. Нет, я всё-таки не понимаю – как можно всерьёз планировать получить дворянство и при этом не ознакомиться с самыми что ни на есть основными сведениями? Это же никакой не секрет. По большому счёту, достаточно посидеть вечером в библиотеке, чтобы полностью выяснить, как эта система работает.

– Ну а у вас-то как практика прошла? – спросил я, переводя разговор на другую тему. – Где вы были?

– Проходили практику в княжеской дружине, – ответил Иван.

– О как! – заинтересовался я. – Ну и как впечатление?

– Впечатление двойственное, – признался Иван. – С одной стороны, очень много тренировок. С другой стороны, нам показалось, что как бойцы, они слабоваты. Мы думаем, что, к примеру, ваша дружина любую княжескую тысячу просто в землю втопчет.

– Ну, положим, не любую, – задумчиво сказал я. – У князя есть и элитные войска, только нас с вами туда не пустят. Там проходят практику только лучшие из тех, кто подписал княжеский контракт. И с неэлитными войсками тоже не всё так просто. Хорошая дворянская дружина их, конечно, втопчет в землю, но допустим, десять дворянских дружин против равного количества княжеских ратников, скорее всего, не устоят. Наши офицеры не умеют командовать большими соединениями, и учить их никто не будет. Этому учат только княжеских офицеров. Вообще с княжеской дружиной всё очень и очень непросто. Казалось бы, вот она, вся на виду, но если присмотреться, то оказывается, что про неё мало что известно. Она вроде и большая, но какая-то на удивление незаметная.

– Наверное, так оно и есть, – согласился Иван, немного подумав. – Если разобраться, то мы за два месяца почти ничего там и не увидели. Один раз были большие учения, но всех практикантов прикомандировали в обоз, сказали, что для нашей безопасности.

– Вот-вот, я это и имею в виду. Ну ладно, надо бы расписание узнать, скоро уже звонок будет.

– Я взяла расписание, – сказала Дара. – И на вас тоже взяла. Первой парой сегодня лекция Ясенева в малой лекционной.

– Магда так Магда, – вздохнул я. – Пойдём, стало быть.

* * *

Магда Ясенева как всегда стремительно вошла в аудиторию и проследовала к кафедре. Студенты поспешно вскочили. Магда пристально обвела взглядом аудиторию, и студенты замерли, как кролики перед удавом.

– Можете сесть, – величественно махнула рукой Магда.

Студенты уселись, немедленно приготовившись записывать важные научные истины, которыми Ясенева сочтёт нужным с нами поделиться. Я не уставал поражаться её способности добиться на своих занятиях абсолютной дисциплины, и честно сказать, совершенно не понимал, как она это делает. У того же Менски дисциплина на занятиях хромала, хотя Генрих мог элементарно настучать наглому студиязусу по физиономии, и частенько это проделывал. Ясенева же добилась своего результата безо всякого мордобоя, причём даже не повышая голоса. Магия, не иначе.

– Третий курс – это знаковый курс, медиана Академиума, – веско начала Магда, переводя взгляд с одного лица на другое. Под её внимательным взором студенты забывали дышать. – И от того, как вы будете учиться на третьем курсе, зависит кем вы станете – Владеющим, повелевающим Силой, или жалким фокусником, заучившим несколько трюков.

Слишком много пафоса. По-моему, она преувеличивает, причём неумеренно. Я, видимо, уже успел растерять студенческие навыки, и не смог удержать на лице выражение сосредоточенного внимания.

– Не надо этого скептического лица, Арди, – глаза Магды упёрлись в меня, как дула двустволки. – Ваши успехи пока что трудно назвать приемлемыми. В частности, хочу напомнить вам, что ваша успеваемость по моим предметам в прошлом году была далека от удовлетворительной.

А я в ответ с удовольствием бы тебе напомнил, что как раз в прошлом году ты была вынуждена поставить мне на экзамене оценку «превосходно», несмотря на все свои старания её снизить. Но такое заявление только привело бы к ненужному конфликту, и я с сожалением оставил эту заманчивую мысль.

– Я приложу все усилия, магистер, – пообещал я.

Магда некоторое время сверлила меня глазами, и я отвечал ей чистым взглядом студента-ботаника, который с нетерпением ожидает начала лекции, чтобы узнать что-нибудь новенькое. Наконец, она отвела глаза. Взгляд её скользнул по Ленке и двинулся дальше. По какой-то непонятной причине Ленку она никогда не задевала, зато мне приходилось отдуваться за двоих.

– Первые два курса мы с вами изучали геометрические искажения, – продолжила свою речь Ясенева. – За эти два года вы должны были приобрести достаточное понимание основ трансформации, чтобы, наконец, приступить к главному предмету для любого Владеющего, а именно, к теории конструкторов. Ею мы с вами в этом году и займёмся. Вы узнаете, как строятся конструкторы, и как можно геометрически исказить конструктор, чтобы придать ему новые свойства. Разумеется, мы не будем вникать в это слишком глубоко – этим занимаются на теоретическом факультете, а вы всё-таки боевики. Однако даже боевик должен, к примеру, уметь из обычного конструктора дождевого зонтика сделать сепарирующий барьер для подводного дыхания. Или вот вам другой пример – фильтр, который из загрязнённой воды получает чистую питьевую воду, можно достаточно легко исказить так, чтобы он выполнял перегонку спирта. Всё это вы научитесь делать – не сразу, конечно.

При упоминании перегонки спирта по аудитории прокатились смешки, но Ясенева нахмурилась, и снова наступила мёртвая тишина.

– Кто-нибудь хочет задать вопрос, прежде чем мы перейдём к изучению конкретного материала?

Я поднял руку и Ясенева страдальчески закатила глаза.

– Я могла бы и не спрашивать, а сразу дать вам слово, Арди, – недовольно сказала она. – Задавайте свой вопрос.

– Скажите, магистер, – начал я, – а откуда взялись базовые конструкторы? То есть те, которые мы будем искажать. Допустим, по внешнему сходству ещё можно было бы догадаться, что конструкторы, построенные как вариации додекаэдра, связаны с кристаллами. Но откуда стало известно, что именно тороиды отвечают за световые эффекты? Каким образом выяснилось, что односторонние барьеры создаются бицилиндрическими конструкторами? Обнаружить такую связь случайно практически невозможно, стало быть, имеется какая-то теория?

По мере того как я говорил, лицо Магды приобретало всё более недовольное выражение.

– Если вас интересуют такие вопросы, Арди, то вы выбрали неправильный факультет. Подобные вопросы уместны на теоретическом факультете, а у нас, напоминаю вам, боевой.

– Но разве это не способствует лучшему пониманию конструкторов, магистер?

– Не способствует, – отрезала Ясенева, – и мы не будем тратить на это время. Итак, студенты, откройте ваши тетради и записывайте: «Всего существует четырнадцать групп геометрических искажений, которые возможно применить к конструкторам...».

Раздался дружный шелест страниц, и студенты начали торопливо записывать.

Уже после лекции Ленка с любопытством поинтересовалась:

– Ну и зачем ты к Магде привязался с этими конструкторами? Зря ты её злишь, сам же видишь, как она на тебя реагирует.

– Понимаешь, Лен, меня не оставляет мысль, что здесь что-то нечисто, – попробовал объяснить я. – И поведение Магды выглядит очень подозрительным. Вместо того чтобы порадоваться, что студент активно интересуется её предметом, она обрубает всякие вопросы. Мне всё больше кажется, что все эти конструкторы просто одно большое надувательство.

– Это как? – поразила Ленка.

– Ну вот скажи – тебе нужен какой-то хитрый тороид, чтобы зажечь свет?

– Нет, конечно, – всё ещё не понимая, ответила Ленка. – Я же волевым построением зажигаю.

– А ты при этом можешь какой-нибудь другой конструктор построить вместо тороида?

– Да какая разница, какой там конструктор будет, – пожалала она плечами, уже начиная задумываться.

– Вот про это я и говорю – неважно, какой конструктор ты строишь. Главное – это волевое усилие.

– А зачем тогда вообще конструкторы?

– Я думаю, что это просто костыли для начинающих. Ну и вообще для слабых Владеющих. Мы верим, что построив именно такой конструктор, получим именно такой эффект. Эта вера помогает сфокусировать волю. Ведь если начинающему просто сказать, что нужно, мол, сделать волевое усилие, то из этого совершенно ничего не выйдет. Он же вообще не поймёт, что и как нужно делать. Вот здесь конструктор и помогает. А потом Владеющий постепенно приучается использовать правильное волевое усилие, и нужда в конструкторе отпадает.

– То есть получается, что конструкторы подобраны совершенно случайно?

– Я думаю, что да, – кивнул я. – Вся теория конструкторов для меня выглядит псевдонаукой, и мы старательно эту чушь заучиваем. По-моему, это придумал кто-то из Высших – если кто и знает правду, то только они. А та же Магда сама ничего не знает, оттого и злится от таких вопросов.

– И что нам делать? – озадаченно спросила Ленка.

– Ничего. Молчать об этом. Даже мы ещё не можем полностью обходиться без конструкторов, а остальные без них вообще ничего не могут. Не стоит вводить народ в сомнения, так что никаких разоблачений.

– Так нам, получается, всё равно придётся конструкторы заучивать?

– Придётся, – поморщился я. – Есть учебная программа, и нам придётся сдавать по ней экзамен, никуда мы не денемся. К тому же польза от конструкторов и для нас есть, они всё же здорово помогают сконцентрироваться. Мы пока ещё не Высшие, чтобы нам конструкторы были совсем не нужны.

Глава 4

Директор фирмы по дизайну интерьеров и девушка-дизайнер, которая непосредственно руководила проектом, напряжённо застыли в ожидании вердикта заказчика.

– Я довольна, – наконец сказала Кира. – Прекрасная работа, достойные.

Дизайнеры дружно расцвели улыбками, а девушка едва слышно выдохнула. Кира протянула руку, и директор поспешно вложил в неё акт выполнения работ.

– Оплата чеком вас устроит? – осведомилась Кира, оставив размашистую подпись на акте, и открывая чековую книжку с гербом Арди.

– Разумеется, госпожа, – немедленно откликнулся директор. Аристократические семейства гарантировали обеспечение гербовых чеков, и гарантия семейства Арди котировалась весьма высоко. Собственно, фирма согласилась бы поработать и даром – договор с одним из членов семьи Арди был очень серьёзной рекомендацией для многих заказчиков и сразу поднимал фирму на пару ступенек выше.

– Что ж, достойные, если все наши дела закончены, то не смею вас задерживать, – попрощалась с дизайнерами Кира, – Охрана отвезёт вас к выходу из поместья.

Кира проводила взглядом счастливых интерьерщиков и со вздохом спросила брата:

– Ну что, Кирилл, как тебе наш новый дом?

– Большой слишком, – проворчал тот.

– Это да, – согласилась Кира. – В эту гостиную мамина квартира, наверное, целиком бы влезла.

– Ну и зачем нам такой большой дом?

– Нам положено, – пожала плечами Кира. – Я не могу жить в маленьком доме, я должна соответствовать, понимаешь? Господину вот тоже пришлось переехать в огромную усадьбу, хотя нам всем и в Кропотовом места хватало, никто не теснился.

– Мы с тобой почти не видимся, – хмуро сказал брат. – Ты постоянно где-то чем-то занята. И ради чего всё это? Чтобы иметь дом, который нам не нужен?

Кира смутилась. Упрёк был справедливым – Кира обычно уходила рано утром и часто возвращалась только затем, чтобы тут же лечь спать. Виделись они в основном мельком, а нередко бывало и так, что не видели друг друга по нескольку дней.

– Ну я ведь ещё и учусь, – попыталась оправдаться она. – Работать и учиться очень трудно, и времени совсем не хватает. Скоро я окончу университет и станет гораздо легче.

– А скоро – это когда?

– Два года я уже отучилась, осталось ещё три.

– Это ты называешь скоро, да?

– Нет, это не очень скоро, – вздохнула Кира. – Я всё понимаю, Кирилл, но пока что ничего сделать не могу. Мне обязательно нужно получить образование. И я не могу меньше работать. Это землекоп может копать вдвое меньше ям и просто получать вдвое меньше денег, а у меня всё совсем не так. Либо я делаю работу целиком, как она есть, либо не делаю вообще.

– А вечерами ты тоже на работе? – Кирилл испытующе на неё уставился.

Кира покраснела. Пятнадцатилетние подростки обычно бывают глупы, но временами становятся совершенно неуместно проницательными.

– Так я и думал, – грустно сказал брат. – У тебя кто-то появился. Ты меня теперь бросишь?

Кира притянула его к себе и крепко обняла.

– Никогда, – ответила она, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы.

* * *

К своим резиденциям у нас относились по-разному, единого обычая не было. Особняки дворян обычно были открыты для всех, и приёмы там устраивались регулярно. В родах порядки были приняты совершенно противоположные – в родовые поместья посторонних не допускали, исключение делалось только для близких друзей. Некоторые крупные роды, например, Тирины, имели также городские резиденции, где и устраивались приёмы. А к примеру, Ренские и в городскую резиденцию никого не пускали. Кроме разве что меня – но со мной ситуация была совершенно нестандартной. Они, по-моему, сами толком не понимали кто я для них, и в конце концов решили, что я нечто вроде случайно отколовшегося родственника, возможно даже, отколовшегося временно.

Раньше я никак не мог понять причин такой закрытости родов, но когда, наконец, узнал, что из себя представляет родовое поместье, всё оказалось достаточно просто. Загородное поместье рода – это прежде всего родовой источник, средоточие силы рода, и недружелюбно настроенный Высший, в принципе, мог неблагоприятно на него повлиять. Не принимать только Высших выглядело бы оскорбительным; проще было не принимать никого. Ну а в случае Ренских всё становилось ясным, если вспомнить историю – те Ренские, что сейчас находились у власти, в ту давнюю войну были детьми, и детская травма здорово на них повлияла. Синдром осаждённой крепости или что-то в этом роде.

Когда мы решили устроить большой приём по случаю новоселья, я порядком озадачился местом проведения. И чем больше я на эту тему раздумывал, тем меньше мне хотелось, чтобы рядом с нашим источником находилось скопление посторонних людей. Я пошёл с этим вопросом к Ленке, и оказалось, что её эта перспектива вообще вгоняла в отчаяние. Видимо, на нас повлияло сродство с источником, и мысль устроить приём рядом с источником воспринималась примерно как запустить толпу чужих людей в детскую к своему ребёнку.

В конце концов я объявил окончательное решение: посторонние в наше поместье не допускаются, а для того, чтобы принять гостей, необходимо подать заявку, которую должен будет подписать кто-то из членов семьи. К моему облегчению, всеми слугами семьи это было воспринято с пониманием, и новое правило стало законом, ну а я стал немного лучше понимать психологию родов. А насчёт приёма мы привычно обратились в «Зарядье» – тот самый ресторанный зал, в котором мы до этого и устраивали все наши приёмы начиная с нашей свадьбы.

Сейчас мы с Ленкой стояли у входа, встречая гостей – самая ненавидимая мной обязанность хозяев приёма. Уже после первой сотни гостей у меня стало рябить в глазах от лиц, а впереди было ещё три с половиной. Впрочем, некоторых гостей я вполне искренне был рад видеть.

– Кеннер, Лена, – мы обменялись поцелуями с Алиной, – поздравляю вас. Наконец-то у вас появился нормальный угол. Надеюсь, вы его мне покажете.

– Конечно, покажем, Лина, – пообещал я. – Через недельку-другую устроим маленькие посиделки для близких друзей.

– Обязательно буду, – улыбнулась Алина, – даже знаю, что вам подарить на новоселье. Ах да, я, кажется, забыла о приличиях – вы знакомы с моим спутником? Позвольте вам представить почтенного Езгера, посла богоравной каганы.

– Рады с вами познакомиться, почтенный Езгер, – поклонился я, а Ленка вежливо наклонила голову.

– Взаимно, – поклонился тот. – Вам приходилось бывать в Итиле?

– Дела держат нас в Новгороде, увы, – развёл я руками. – Но мы, конечно, хотели бы когда-нибудь увидеть знаменитый Белый Город своими глазами.

Алина улыбнулась краешками губ и одобрительно прикрыла глаза. У меня всё лучше и лучше получается вводить людей в заблуждение, не сказав при этом ни слова лжи. Что же удивляться – с такими-то учителями.

– Приезжайте к нам, – подарил мне широкую улыбку посол. – Мы будем счастливы принимать вас и вашу прославленную мать в нашем великом городе.

Ага, особенно нашу прославленную мать. Подозреваю, что если мы с Ленкой при этом останемся в Новгороде, то нас особо и не хватятся.

– Будем надеяться, что наши заботы позволят нам выкроить время на путешествия, – вежливо отозвался я.

Мы обменялись любезными улыбками, и посол повёл Алину в зал.

Опять замелькали люди, большую часть из которых я едва знал. Необычным было только появления княжича – по всей видимости, князь отправил его, чтобы публично подчеркнуть своё к нам расположение. В общем-то, я уже стал чувствовать себя поувереннее в высшем обществе, но всё равно предпочёл бы обойтись без этих знаков внимания. Я себя гораздо лучше чувствую без барской любви⁴.

Княжич явился в сопровождении очень симпатичной девушки. Мы с ним были практически незнакомы – всего лишь мельком встречались несколько раз на разных приёмах, – но даже я слышал, что он большой любитель дам. Во всяком случае, при нашем коротком разговоре он, несмотря на свою спутницу рядом, постоянно залипал взглядом на Ленку, которая, надо сказать, в новом вечернем платье выглядела просто потрясающе. А я, усмехнувшись про себя, вспомнил как Драгана однажды мельком сказала, что наш князь в молодости был изрядным живчиком. Я тогда сразу же заподозрил, что Гана именно в то время и наладила с князем отношения. Хотя спрашивать об этом, конечно же, не стал. Ну а что касается княжича, то яблочко-то, похоже, от яблони укатилось совсем недалеко.

Скоро появилась и сама Драгана в сопровождении какого-то юноши примерно моего возраста, имя которого я даже не потрудился запоминать. Ну, я давно уже понял, что Гана тоже яблонька ещё та – а с другой стороны, почему бы и нет? Как говорится, лишь бы на здоровье, да и вряд ли найдутся желающие её осудить.

С Ганой мы сердечно расцеловались, и я старательно запомнил, у кого из стоящих за ней гостей физиономии при этом сделались кислыми. «Попозже поговорим», – шепнул я ей на ухо, прежде чем она отправилась в зал, по-хозяйски подхватив своего кавалера под руку.

Всё кончается когда-нибудь, кончилось, наконец, и это мучение. Очередь гостей внезапно исчезла. Мы посмотрели друг на друга.

– Приём только начался, а я уже устала просто смертельно, – пожаловалась Ленка.

– Потерпи, милая, – сочувственно посмотрел я на неё. – Нам ещё весь вечер гостей развлекать.

Она только вздохнула.

– Ну я пойду тогда.

– Лен, ты там время от времени приглядывай за мамой, пожалуйста. Всё-таки у нас здесь и Ренские, и Хомские – кто знает, как мама на них отреагирует.

Ленка только кивнула и двинулась в сторону ближайшей кучки женщин, а следом и я отправился в обход гостей.

– Здравствуйте, госпожа Нежана, – приветствовал я как-то незаметно возникшую рядом со мной Чермную. – Как вам приём?

– Превосходно, господин Кеннер, – промурлыкала она. – Всё устроено идеально. А сколько здесь интересных людей! Я просто отдыхаю душой.

⁴ Здесь Кеннер явно вспомнил Грибоедова: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

– Я тоже отдыхаю душой, – вежливо согласился я. – Прекрасно выглядите, должен заметить, и я говорю это совершенно искренне.

Выглядело она и в самом деле отлично – платиновая блондинка с великолепной фигурой и повадками светской львицы. С виду ей было лет, пожалуй, ближе к тридцати, но что-то в ней намекало, что ей гораздо больше, а молодо она выглядит исключительно благодаря дорогостоящим процедурам омоложения. Да собственно, я и так знал, что ей намного больше.

Разумеется, мы с ней были знакомы и до этого момента, однако раньше нам общаться не приходилось. Мы несколько раз мельком виделись на разных приёмах, но особо друг другом не интересовались. По правде говоря, я и сейчас не особо ею интересуюсь, однако она на меня явно запала. Точнее, запала на наши голоса в Совете, но вот получит ли она их, вопрос для меня пока открытый.

– О, благодарю за комплимент, – засмеялась она. – Увы, нам, трудящимся женщинам, нечасто выдаётся возможность блистать на приёмах. Чаще приходится с красными глазами сидеть над бумагами.

– Жизнь несправедлива даже к красивым женщинам, – сочувственно вздохнул я.

– Вы меня понимаете, – взглянула она на меня грустными глазами.

Немного переигрывает, по-моему. На это я купился бы разве что в пору своей юности, когда кипят гормоны и полностью отключается соображение. Впрочем, если вспомнить, что я для неё как раз и есть пубертатный подросток, то такое поведение вполне объяснимо.

Я покивал, всячески демонстрируя сострадание.

– Вот и сейчас последние дни веселья, а там снова пойдёт скучная работа, – продолжала она.

Мне надоел этот спектакль, и я решил помочь ей перейти к делу:

– Вы имеете в виду осеннюю сессию Совета?

– Да-да, – кивнула она. – Эта безумная инициатива с шестой поправкой грозит полностью остановить разработку месторождений в Рифейских горах.

– Мне кажется, вы немного драматизируете, госпожа Нежана, – осторожно заметил я. – Хотя трудно отрицать, что у части горной промышленности могут возникнуть определённые сложности, но всё же есть кое-какие доводы и в пользу этой поправки.

– А вы не думали, господин Кеннер, что эта поправка может отразиться и на вас? Насколько я понимаю вашу ситуацию, у вас тоже есть проблемы с некоторыми сортами сталей.

– Вообще-то нет, – пожал я плечами. – Мы покупаем достаточно распространённые марки конструкционных сталей, и не ожидаем каких-то перебоев с поставками. Но у нас есть своё маленькое металлургическое производство, где мы варим очень специальные сорта для себя, и там действительно имеются постоянные проблемы с поставками феррованадия⁵. Вечно приходится добывать его втридорога через каких-то мутных посредников.

– Самый дефицитный из ферросплавов, – покивала Чермная, – его не хватает всем. Мы ищем новые месторождения, но пока результатов нет. Ну а после принятия шестой поправки эта проблема сильно усугубится.

Я посмотрел на неё, скептически подняв бровь.

– Но мы, горняки, всегда стараемся изыскать возможность помочь нашим друзьям, – с намёком посмотрела на меня Нежана. – Пусть ваш человек свяжется с моим управляющим. Думаю, мы сможем установить вам приемлемый лимит поставок, скажем, на ближайшие три года.

– В нашем планировании мы обычно ориентируемся на пятилетние периоды, – заметил я.

– Пусть будет пять лет, – улыбнулась она.

⁵ Конечно же, в мире Кеннера ванадий называется по-другому, потому что у нас этот металл был так назван только в 1830 году. В книге просто используется привычное нам название.

– Буду чрезвычайно признателен, – я обозначил лёгкий поклон.

– Ах, господин Кеннер, похоже, я злоупотребляю вашим вниманием, – Чермная одарила меня игривой улыбкой. – Вам ведь нужно уделить время и другим гостям.

– Веселитесь, госпожа Нежана, – улыбнулся я в ответ, и она упорхнула.

А неплохо я продал наши два голоса. Может, удастся их продать ещё кому-нибудь? В эту сессию ведь не только лицензионные поправки будут рассматриваться. Первый блин определённо не вышел комом – и почему я раньше так шарахался от политики? Если не наглеть и не влезать в интриги, то можно извлечь немалую пользу из своих возможностей. Но, разумеется, нужно ясно осознавать все последствия, прежде чем делать хоть что-нибудь.

Побродив немного по залу, я наткнулся на Драгану, которая стояла в одиночестве, рассматривая какой-то экзотический цветок в горшке.

– Где ты потеряла своего мальчика? – поинтересовался я.

– Можно подумать, ты его старше, – фыркнула она.

Вообще-то, я сильно его старше, но опустим этот момент.

– Хочу тебе сказать, что мы готовы заняться Ивличами. Нужно только, чтобы ты дала им инструкции насчёт содействия.

– О, а я уже было подумала, что ты забыл о своём обещании, – испытующе посмотрела на меня Драгана.

– У меня нет привычки забывать о своих обещаниях, – я предпочёл проигнорировать попытку лёгкой провокации. – Нам нужно было сначала составить какое-то представление на основе открытой информации. Сейчас мы готовы заняться этим вопросом уже вплотную.

– И какое же представление вы составили?

– Есть кое-какие настораживающие моменты, – вздохнул я. – Но я пока не готов об этом говорить. Как только у меня на руках будет что-то определённое, ты узнаешь об этом немедленно.

– Хорошо, – покладисто кивнула Гана. – Я завтра же отдам все необходимые распоряжения.

– А мы тогда приедем к ним послезавтра, – пообещал я.

– Спасибо, Кен.

– Развлекайся, – улыбнулся я. – А я, с твоего разрешения, пойду дальше исполнять долг хозяина.

И я направился к ближайшей группе гостей. Краем глаза я увидел в стороне маму, которая беседовала со Стефой. Я было напрягся, но разглядел, что беседа была вполне дружелюбной, и мама даже улыбалась Стефе. Ну, совет да любовь, как говорится. Ленка порхала где-то в дальнем конце зала, где группировались в основном женские компании. Надо бы её отловить, да отвести потанцевать – в соседнем зале как раз заиграла музыка, и молодёжь понемногу потянулась туда. Хотя я ведь даже не знаю, что у неё в бальной книжке⁶ – вполне возможно, что мне там места уже и не осталось.

Однако далеко я не ушёл – почти сразу меня перехватил Беримир Хомский.

– Прекрасный приём, Кеннер, – вежливо похвалил он.

– Спасибо, я рад, что тебе понравилось, – столь же вежливо ответил я.

– Не буду ходить вокруг да около, – со вздохом сказал Беримир. – Мне не хотелось бы обременять тебя просьбами, но приходится.

Я порядком удивился. Мы, конечно, договорились нормализовать наши отношения, но пока что они были очень далеки от того, чтобы просить друг друга об одолжениях. Да к тому же и нормализация-то была ещё только в планах – Беримир был всего лишь наследником, и

⁶ Дамская бальная книжка – это крохотный блокнотик, в котором напротив каждого танца записывалось имя партнёра, которому этот танец был обещан.

до тех пор, пока Путята не сойдёт со сцены, о каком-то восстановлении отношений говорить было сложно.

– Я готов тебя выслушать, – сказал я осторожно.

– Это пока мало известно за пределами семьи, но мой отец уже два месяца тяжело болен, – начал Беримир, и видно было, насколько тяжело ему даются слова. – Опухоль мозга, которая очень быстро развивается. Мы обращались к нескольким целительницам, но всё, что они смогли сделать – это немного замедлить болезнь. У нас надежда только на Милославу.

Когда тебе кажется, что всё идёт нормально, это всего лишь значит, что скоро судьба поставит тебе подножку. По всей вероятности, мама даже слышать об этом не захочет, и о каком примирении можно будет говорить после её отказа? У меня сразу испортилось настроение.

В княжествах лекари никаких клятв не давали, и вовсе не были обязаны кому-то помогать, если это не входило в их профессиональные обязанности. Мама вполне могла отказать в помощи, и учитывая всем известную историю их с Путятой отношений, её за это никто даже не подумал бы осудить.

– Почему ты думаешь, что она согласится? – хмуро спросил я. – Вспомни о том, что было. Родной дядя выставил на улицу беременную племянницу. Ты считаешь, что она это забыла? Думаешь, она испытывает к нему какие-то родственные чувства?

Беримир попытался что-то сказать, но я его перебил.

– Я не говорю тебе «нет». Я просто не понимаю, как её можно убедить. У тебя есть какие-нибудь идеи на этот счёт?

– Ты глава семьи, – напомнил мне Беримир.

– Ты всерьёз считаешь, что я стану приказывать матери? – удивился я. – Ты стал бы приказывать своей?

Беримир замаялся. Ну да, так легко ожидать от другого чего-то такого, чего сам делать никогда бы не стал.

– И знаешь, – добавил я, – она ведь может мой приказ и не выполнить. В любом случае, я не собираюсь проверять, насколько она готова подчиняться моим приказам. Вспомни, кто она. Пожелай она стать главой семьи, её право немедленно признали бы все, от князя до последнего писца. Я сам бы первым признал.

Беримир как-то сразу сник, и в глазах у него появилось отчаяние. Здорово же его прищемило... похоже, он всё-таки любит старого козла.

– Я могу только пообещать тебе обсудить этот вопрос в семье, – вздохнул я. – Попытаюсь убедить мать, но если она скажет «нет», то это будет «нет».

– Благодарю тебя, это больше, чем я ожидал, – воспрянул Беримир.

– Не торопись благодарить, – поморщился я. – У моей матери доброе сердце, но она хорошо помнит зло и очень не любит прощать. Я не могу предсказать её ответ, но думаю, что шансы не так уж велики.

– Я понимаю, – опять помрачнел Беримир.

Глава 5

Мы в полном изумлении обозревали высокий забор, тянущийся далеко вдаль в обе стороны от здания заводоуправления.

– Это механическая мастерская? – удивлённо спросила Кира. – То самое крохотное семейное предприятие, которое платит налоги примерно как будка сапожника?

– Вот и я чего-то тут не понимаю, – проговорил я в некотором ошеломлении. – Эта мастерская побольше нашего «Милика» будет, а его маленьким никто не назовёт. Демид, – окликнул я своего водителя, – ты нас правильно привёз? С адресом не напутал?

– Ничего я не напутал, господин, – обиделся тот. – Да вон же вывеска рядом с дверью, сами посмотрите.

Начищенная бронзовая табличка рядом с дверями заводоуправления гласила: «Механическая мастерская Ивлич».

– Звучит невероятно, но мы действительно прибыли по адресу, – констатировал я и обратился к Кельмину: – Антон, этой сотни бойцов не хватит, чтобы такую махину контролировать. Свяжись со Станиславом, пусть присылает весь полк. Без тяжёлой техники, естественно, хотя я уже и не знаю, что за сюрпризы нас ждут. А мы с госпожой Киroy тем временем пойдём побеседуем с хозяином этой мастерской на предмет доступа на территорию.

Горан Ивлич, глава семейства Ивлич, мне не понравился сразу же. Выглядел он очень импозантно – благородная седина, золотые очки, очень дорогой костюм, пожалуй, что и дороже моего. Но впечатление портила ненатуральная улыбка, которую он даже не потрудился сделать хоть сколько-нибудь приветливой, и холодный взгляд рептилии.

– Здравствуйте, господин Горан, – приветствовал я его, обводя глазами обставленный с чрезмерной роскошью кабинет. – Моё имя Кеннер Арди, сиятельная Драгана попросила меня помочь с вашими проблемами. Представляю вам также Киру Заяц, тиуна семейства Арди.

Ивлич посмотрел на Зайку с явной неприязнью и кивнул. Репутация у неё действительно была неоднозначной, и не так уж мало людей боялись и ненавидели её одновременно. Собственно, как и меня. Да пожалуй, у всех слуг нашей семьи репутация была довольно зловещей, но если, к примеру, с Антоном Кельминым дворяне сталкивались крайне редко, то Зайка успела оттоптать немало дворянских ног с грацией тяжёлого бронехода. Однако как бы лично он к нам ни относился, это не повод пренебрегать элементарной вежливостью, и его поведение начало меня настораживать. Какая-то неправильная реакция на людей пусть даже и несимпатичных, но которые приехали решать его проблемы.

– А раз уж мы познакомимся и, без сомнения, в самом скором времени подружимся, попрошу вас распорядиться открыть ворота для моих людей, – продолжил я.

– Извольте пояснить, что там происходит, господин Кеннер, – неприязненно сказал Горан, кивая в сторону окна.

Я подошёл к окну и выглянул на улицу, забитую машинами, главным образом военными грузовиками.

– Насколько я могу судить, там в данный момент ничего не происходит, господин Горан, – я с недоумением посмотрел на него. – Мои люди спокойно ожидают, когда вы прикажете открыть ворота, и они смогут, наконец, заняться тем, зачем приехали.

– Что там за ратники? – прямо потребовал ответа Ивлич.

– Наши ратники, – пожал я плечами. – Они возьмут ваше предприятие под охрану и проверят организацию службы безопасности. Непосредственно производством займутся наши инженеры и технологи. Люди госпожи Киры выполнят полный финансовый аудит, а специалисты нашей канцелярии проведут ревизию ваших договоров. Вы ожидали чего-то другого?

– Я ожидал обычной консультации.

– Консультацию вы тоже получите, но лишь после того как мы разберёмся в ситуации. Мы же не захватываем ваше предприятие, а всего лишь проводим аудит.

– Меня это не устраивает, – решительно сказал Горан. – Я не могу дать вам разрешение на подобное вмешательство в дела предприятия.

– Разве сиятельная Драгана не говорила с вами на эту тему? – удивился я.

– Мы все уважаем сиятельную, – тонко улыбнулся Ивлич. – Но решаю здесь я.

– Ах, вот как, – я глубоко задумался. Если говорить в общем, то меня такая ситуация полностью устраивала. Сообщить Драгане, что Ивлич отказался меня пускать, умыть руки и не заниматься этой неблагодарной работой – такой вариант выглядел чрезвычайно заманчиво. Но это если говорить в общем. А вот если рассматривать частности, то картина становилась сложнее. Если из-за этого идиота Драгану действительно скинут, на мне это отразится самым непосредственным образом. Лояльное и дружественное руководство Круга заменится враждебным, и скорее всего, меня попытаются тоже как-нибудь придавить заодно с Драганой и Алиной.

– Ну что ж, – сказал я, приняв, наконец, решение, – я уважаю вашу позицию. Однако моя позиция слишком сильно расходится с вашей, и стало быть, нам предстоит уладить наши разногласия как это принято у нас, дворян.

– Что вы имеете в виду? – забеспокоился Горан, почуяв неладное. Дворянином он был новоиспечённым и, как я подозревал, о том, как у нас, дворян, принято улаживать разногласия, представление имел довольно смутное. С Драганой за спиной ему обычно ничего не нужно было улаживать.

– Я сейчас размышляю над тем, какой вариант будет наилучшим, – объяснил я. – Убить вас на дуэли, или просто захватить ваше предприятие? Или, может быть, совместить?

Ивлич побледнел. Искромётного юмора он от меня определённо не ждал, так что поверил в мою серьёзность сразу.

– Вы не посмеете. Сиятельная Драгана не потерпит такого в отношении своих родственников.

– Совершенно с вами согласен, – кивнул я. – Не потерпит. Вот только вы ей не родственник.

Нам не стоило большого труда раскопать этот пикантный факт. У Драганы был единственный сын, ставший наследственным дворянином, когда Драгана стала Старшей. В настоящее время он был ещё жив, но очень стар, и сейчас мирно доживал свой век в деревне. У него тоже был сын – внук Драганы, который женился на мещанке, сделав её таким образом дворянкой. Детей у них не было, и когда внук Ганы трагически погиб в результате несчастного случая, его вдова унаследовала главенство в семействе Ивлич. Выйдя замуж второй раз за сына богатого купца, она родила ему нескольких детей, в том числе Горана Ивлича, который впоследствии и стал главой семейства.

В результате получилась совершенно парадоксальная ситуация: дворянская часть семейства – кстати, унаследовавшая своё дворянство от Драганы, – не имела никакого отношения к семье Ивлич, но при этом управляла её имуществом. Настоящие же родственники Драганы Ивлич, потомки двух её младших братьев, дворянами не были и находились в семействе на вторых ролях. Не знаю, как относится к этому Драгана, но лично меня на её месте подобное положение дел порядком бы раздражало.

– Но давайте же присядем и спокойно всё обсудим, как цивилизованные люди, – предложил я. – И с вашего разрешения, я воспользуюсь вашим телефоном.

С этими словами я уселся за его стол и набрав номер, включил громкую связь.

– Это Кеннер Арди, – сказал я, услышав голос секретарши. – Будьте добры, соедините меня с сиятельной.

Драгана ответила через несколько секунд.

– Да, Кен, слушаю тебя.

– Привет, Гана, – (лицо Горана приняло кислое выражение), – у нас здесь возникла сложная ситуация, и я хотел бы её обсудить. Господин Горан отказался пускать на предприятие моих людей, заявив, что тебя он уважает, но решает здесь он.

– Так, – сказала Драгана с грозowymi нотками в голосе, и лицо Горана стало совсем мрачным. Похоже, он сильно недооценил мои отношения с Драганой и не ожидал, что я имею к ней настолько прямой и непосредственный доступ.

– В обычной ситуации я бы пожал плечами и поехал домой, но, как оказалось, ситуация у нас не совсем обычная. Перед тем как ехать сюда, люди госпожи Киры тщательно изучили всю документацию, которую можно найти в открытом доступе. Как выяснилось, документы отчётливо свидетельствуют, что на предприятии происходят масштабные махинации. И как сообщили мне наши специалисты, у них сложилось впечатление, что эти махинации как бы специально выпячиваются – так, чтобы любой, кто возьмёт на себя труд изучить документы, сразу заметил бы, что дело нечисто.

– Например? – в голосе Драганы было столько льда, что Горан окончательно спал с лица.

– Если позволите, сиятельная, я отвечу, – вмешалась Зайка. – Это Кира Заяц, я занималась анализом документации. Самый яркий пример – налоги. Судя по сумме выплачиваемых налогов, мастерская Ивлич – это что-то вроде небольшого гаража, где пяток слесарей орудуют напильниками. Когда я приехала сюда и увидела настоящий размер предприятия, я не могла поверить своим глазам. Разумеется, при следующей камеральной проверке налоговая служба всё это немедленно вытащит наружу.

Драгана молчала. По моим предположениям, она сейчас просто пыталась справиться с бешенством.

– Полагаю, Кен, у тебя есть какие-то предложения? – после продолжительной паузы спросила она.

– У меня здесь полк моей дружины, и я собираюсь взять предприятие под контроль. В Дворянском Совете я объявлю, что ты заподозрила преступные махинации руководства, которые могут запятнать твою честь, и попросила меня разобраться. Как дополнение, я мог бы вызвать на дуэль и убить господина Горана. Это полностью вывело бы тебя из-под возможного удара.

– Убить Горана в защиту чести? – судя по голосу, Драгана всерьёз заинтересовалась этим вариантом. – В этом что-то есть. Надо подумать.

Горан уже явно начал паниковать – до него, наконец, дошло, что сейчас в самом буквальном смысле решается вопрос его жизни и смерти.

Мы молчали, пока Драгана обдумывала своё решение.

– Где там Горан? – наконец заговорила она.

– Он тебя слышит, – ответил я.

– Горан, ты временно отстраняешься от руководства. На предприятии пока распоряжается Кеннер Арди. Объяви об этом всем сотрудникам и езжай домой. Позже я решу, что с тобой делать. Кен, если он попытается хоть как-то тебе мешать, просто пристрели его. Обещаю, что улажу этот вопрос с князем и Дворянским Советом. К тебе никаких претензий не будет, я возьму ответственность на себя.

* * *

Кира рывком распахнула дубовую дверь и широким шагом вошла в финансовый отдел, а за ней цепочкой начали вливаться её сотрудники с портфелями в руках. Служащие, непривычные к резким движениям, громким звукам и наглым посетителям, испуганно вскинули глаза. Кира остановилась и внимательно обвела взглядом помещение отдела.

Помещение представляло собой удивительный симбиоз роскоши и убожества. Хорошая отделка, неплохие картины на стенах и две красивые хрустальные люстры просто кричали о богатстве. Однако недешёвые дубовые столы стояли рядами, как парты в школьном классе, и сразу же вызвали ассоциацию с потогонной мастерской где-нибудь в стране с дешёвой рабочей силой. Напротив столов на небольшом возвышении за стеклянной стеной находилось место главного счетовода, с которого он просматривал весь отдел и мог полностью контролировать подчинённых.

Кира презрительно усмехнулась при виде подобной казарменной организации работы и поманила пальцем главного счетовода, который удивлённо взирал на пришедших из-за стеклянной стены. Тот вспыхнул, выскочил из-за стола и рванулся к двери, пылая негодованием.

– Ключи от всех шкафов с документацией, – скучным голосом приказала Кира, не дав ему возможности открыть рот. – Живо!

– Вы кто такая вообще? – возмущённо начал главный счетовод.

– Я Кира Заяц, тиун семейства Арди, – ответила Кира, – и у меня нет привычки повторять приказы. Ключи сюда, быстро!

Тот от негодования не мог произнести ни слова и только безмолвно разевал рот, пытаясь подобрать наиболее убийственные эпитеты. Наконец он обрёл дар речи:

– Вы никаких ключей не получите! И вообще, вон отсюда!

Кира невозмутимо кивнула и прижала пальцем таблетку мобилки:

– Антон, у нас тут саботаж.

Она выслушала короткий ответ и со скучающим выражением на лице приготовилась внимать возмущённой речи, которая не замедлила последовать. Выступление, однако, продолжалось недолго – уже через пару минут в кабинет стремительно вошла пара шкафообразных парней.

– Кто, госпожа? – задал вопрос вошедший первым.

Кира ткнула пальцем в главного счетовода:

– Этого в тюремный блок, у меня к нему будет много вопросов.

Несчастливого счетовода немедленно скрутили. Он попытался было возмутиться, но ему легонько сунули кулаком в живот, и слова застряли у него в глотке.

– В допросной всё выскажешь, а пока помолчи, – добродушно сказал ему один из конвоиров, и несчастного счетовода уволокли.

Кира обвела ледяным взглядом сотрудников, взвешивающих на неё с ужасом. Главный счетовод легко позволил себя спровоцировать, так что всё протекало в точном соответствии со сценарием. Кира прекрасно помнила уроки господина:

«Если ты начинаешь требовать от людей что-то, чего они не хотят тебе дать, или работу, которую они не хотят делать, то они неизбежно будут твои приказы саботировать. Если у тебя есть в запасе недели и месяцы, то ты постепенно можешь их саботаж сломить. А можешь и не сломить – бороться с тихим саботажем очень непросто. Но есть и быстрый путь – прежде всего выдели лидера саботажа. Это всегда либо начальник, либо, если речь идёт о твоих подчинённых, неформальный лидер коллектива. Показательно и демонстративно уничтожь его, чтобы он даже пикнуть не смог, и организованный саботаж прекратится, а скорее всего, даже и не начнётся. Во-первых, не будет фигуры, вокруг которой люди могли бы сплотиться, а во-вторых, все будут думать, что если уж их начальника уничтожили так быстро и безжалостно, то их раздавят, даже не заметив. Тебя, конечно, будут бояться и ненавидеть, но тебе ведь и так никакой любви ждать не стоит».

– Кто замещает главного счетовода? – громко задала вопрос Кира.

– Я, г-г-госпожа, – подала голос одна из женщин.

– Вы будете сотрудничать? – задала вопрос Кира, строго на неё глядя.

– Д-да, – промямлила та.

– Я не расслышала, – нахмурилась Кира.

– Да, госпожа, я буду сотрудничать, – торопливо сказала счетоводша.

– Хорошо, – кивнула Кира и посмотрела на остальных служащих. – Кто-нибудь ещё собирается саботировать мои распоряжения? Лучше скажите об этом сейчас, раз уж у нас есть свободные места в машине до тюремного блока.

Судя по бледным лицам и испуганным глазам, никто не собирался делать подобных заявлений.

– Ну что же, надеюсь, что мы с вами сработаемся, и мне не придётся прибегать к крайним мерам, – сказала Кира голосом, от которого несчастных тружеников арифмометра пробрала дрожь. – Сейчас с вами всеми по очереди побеседуют мои сотрудники. Беседы будут происходить в присутствии эмпата, так что советую отвечать только правду.

* * *

Несколько дней я ходил, не решаясь завести с матерью разговор о Хомском. Просто не знал, что ей сказать. По правде говоря, я и сам не был уверен, что так уж хочу его выздоровления, и это, конечно же, не добавляло мне решительности. В конце концов я настолько устал от этих раздумий, что решил не мудрить с каким-то планом разговора, а просто поговорить, и что из этого выйдет, пусть то и выйдет.

– Ко мне, кстати, подходил на прошлом приёме Беримир Хомский, – небрежно сказал я за обедом, после того как обсуждение планируемой посадки плодовых деревьев возле второго флигеля окончательно увяло, и все замолчали.

– Вот как? – равнодушно отозвалась мама.

– Рассказал, что у Путяты опухоль мозга, и целители помочь уже не могут.

– Туда ему и дорога, старой сволочи, – с чувством сказала мама. – Я хорошо помню, как он меня встретил. Вот скажи мне, Кеннер – как так получается, что близкие родственники ведут себя как последние подонки?

– Да не так уж редко такое происходит, – пожал я плечами. – Случаются в жизни и более странные вещи. Например, когда они потом приходят с просьбой о помощи.

Мама со стуком положила приборы и упёрла в меня пристальный взгляд. Я почувствовал себя слегка неудобно.

– Да, мама, ты правильно догадалась, – вздохнул я. – Беримир умолял.

– И что ты ему ответил?

– Я ответил, что это будешь решать ты, и если ты скажешь «нет», то я ничего сделать не смогу.

– То есть ты не отказал ему, а пообещал поговорить со мной, – сделала она логичный вывод. – И что тебя на это подвигло? Объясни.

Я почувствовал некоторое облегчение – по крайней мере, она не отказала с порога и не прекратила разговор, а хотя бы согласилась выслушать мои аргументы.

– Здесь довольно сложная ситуация, мама, и я сам отношусь к этому очень неоднозначно. Если Путята умрёт, я по нему и слезинки не пророню. Но ведь Путята – это не все Хомские. Такие отношения между родственниками, как у нас сейчас – это неправильно, и очень многие Хомские тоже так считают. А главное, что так считает наследник. Мы давно уже договорились с Беримиром о нормализации отношений, когда Путята, наконец, сойдёт со сцены.

Мама смотрела на меня не отрываясь и молчала, и я от этого ощущал себя очень некомфортно.

– Но проблема здесь в том, – продолжал я, – что это для нас Путята – старая сволочь, а вот Беримир отца любит. И если мы откажем ему в помощи, о восстановлении отношений

можно будет забыть. Воевать мы, конечно, не будем, но это будет всегда стоять между нами. Мы с Хомскими станем друг для друга чужими, уже окончательно.

– С Путятой мы и так своими не станем, – указала мама.

– Мы можем поставить условие, чтобы он передал главенство Беримиру.

– А с чего ты взял, что они искренне хотят помириться? Почему ты не допускаешь, что они просто хотят по-родственному пролезть поближе ко мне?

– Я, конечно, не знаю, что там у них в головах творится, но я точно знаю, что Беримир хотел восстановить с нами отношения задолго до того, как ты возвысилась. Был, правда, ещё один случай, когда у Путяты из-за нас были неприятности с родичами, но это было уже после твоего возвышения, так что там трудно уверенно говорить о мотивах.

Мама молчала, глядя куда-то вдаль. Наконец она снова взяла в руки вилку с ножом.

– Лена, передай, пожалуйста, горчицу, – сказала она, опять приступая к эскалопу.

Дальнейший обед протекал в полном молчании.

Глава 6

Боевая практика у нас по какой-то неизвестной нам причине задержалась, и первого занятия я ждал, пожалуй, даже с нетерпением. За прошедшие два года я постепенно проникся уважением к Генриху Менски. Он, конечно, не упускал случая повеселиться за счёт студентов, и образ садиста-затейника прилип к нему довольно прочно и отчасти заслуженно. Однако если приглядеться, то можно было с удивлением обнаружить, что студенты у него никогда не получают травм. Точнее, если изредка и получают, то исключительно друг от друга. При этом учил он превосходно – даже Иван уже совершенно не походил на деревенского увальня, и добиться этого за каких-то два года было поистине поразительным результатом. Если учесть, что именно боевая практика была для нас залогом выживания, то можно было смело сделать вывод, что нам здорово повезло с преподавателем.

Менски появился, будучи настроен необычайно добродушно:

– Здравствуйте, студенты! Скучали по мне?

Вся группа заулыбалась ему. Похоже, не я один сумел его правильно оценить.

– А я тоже по вам скучал, можете в это поверить? – заявил Генрих. – Сам поражаюсь, честное слово. Признаюсь, что ваша группа мне нравится, не то что эти нытики на курс младше. Я-то сначала думал, что из вас толку вообще не будет, а оказалось, что как раз наоборот, из вас могут выйти вполне приличные боевики. Даже из Арди, как это ни удивительно.

– Это почему удивительно? – возмутился я.

– Потому что вам это вообще не нужно, – объяснил Генрих.

– Это почему нам не нужно?

– А зачем вам уметь драться? – удивился Генрих. – За вами стоит дружина. Вот ваши же одноклассники за вас и будут драться.

Эх, видел бы ты Сына Камня. Не думаю, что дружина смогла бы с ним что-то сделать. Да и на тебя интересно было бы посмотреть. Впрочем, Менски наверняка сражался бы до конца, не тот это человек, чтобы сдаваться.

– Не всегда можно спрятаться за дружину, – заметил я. – Иногда необходимо драться самому.

– Тоже верно, – согласился он. – Хотя у некоторых и получается всю жизнь за кого-то прятаться. Но я уже понял, что вы не из таких. Это достойно уважения. Ну всё, обнялись, поцеловались, давайте теперь к делу.

Улыбки увяли, и все мы заметно напряглись. «Дело» в понимании Генриха обычно было тесно связано с мордобоем.

– Третий курс – это важный рубеж, – начал Менски.

А ведь я совсем недавно это слышал – они друг у друга слова списывают, что ли? Однако Генрих, как менее склонный к словоблудию, перешёл к конкретике побыстрее:

– Именно на третьем курсе вы начнёте изучать атакующие конструкты. Точнее говоря, вы будете изучать нелетальные конструкты, которые называются так, потому что убить ими немного сложнее, чем теми, которые вы будете изучать на четвёртом курсе. Кстати, кто мне скажет, чем отличаются атакующие и защитные конструкты?

– А разве они отличаются? – вместо ответа спросил я.

– Ты, как всегда, меня не разочаровал, Арди, – заржал Генрих. – Здоровый цинизм – это правильное качество. Всё верно, они ничем не отличаются. Обычным школьным хлопком можно толкнуть человека под машину...

Все сразу вспомнили, как мы им скинули бандитов со скалы, и закивали.

– ... защитным барьером можно, например, незаметно утопить противника, а воздушным фильтром при некотором навыке можно очень легко кого-нибудь удушить. Кстати, убийство

защитным конструктом – это любимый способ диверсантов, и мы посвятим немало времени способам применения защитных конструктов, и способам защиты от них. Или вот взять такой пример: в вас швырнули камень, а вы навстречу швыряете другой камень, чтобы отклонить его. Конструкт использован совершенно одинаковый, но с одной стороны это нападение, а с другой – защита.

– А зачем тогда такая классификация? – с недоумением спросила Дара.

– Нас заставили принять эту классификацию те, чья работа состоит в том, чтобы сделать жизнь людей несчастной. То есть наши чиновники. В один прекрасный момент они обратили внимание на то, что мы живём слишком легко, и приняли закон, что до девятнадцати лет одарённых нельзя обучать атакующим конструктам, а до двадцати – летальным. Поскольку никто не понимал, чем отличаются атакующие конструкты от защитных, а тем более летальные от нелетальных, то работа закипела вовсю. Создали комиссию, три года классифицировали конструкты, потом ещё два года обсуждали, потом отправили на доработку, ну вы представляете, как это обычно происходит. Лично я просто поубивал бы всю эту шатию-братию и решил вопрос радикально, но я простой преподаватель, а наши Высшие парят где-то высоко, и им плевать.

– И что, всем прямо вот так было плевать? – усомнился я.

– Тех, кому было не плевать, и кто мог на это повлиять, включили в комиссию по реформе образования. Реформа продолжалась восемнадцать лет, и все эти годы они получали неплохие деньги, писали статьи о том, как вскоре расцветёт у нас образование, и так далее.

– Вы, по-моему, преувеличиваете, – я уже откровенно не верил этому рассказу, хотя из прошлой жизни мог припомнить и не такое.

– Это можно легко проверить, – пожал плечами Менски.

– Я попрошу Драгану Ивлич рассказать мне эту историю, – ответил я. – Будет любопытно сравнить её версию с вашей.

– Я всё время забываю, кто ты, Арди, – хмыкнул Генрих. – Как-то плохо укладывается в голове студент-младшекурсник, который может вот так небрежно попросить отчёта у первых лиц княжества. Ну что ж, сравни. Она, кстати, в комиссию не входила, так что действительно интересно, что она может сказать по этому поводу. Надеюсь, что ты и со мной поделишься этим рассказом.

– Не обещаю, но постараюсь. Зависит от того, что она мне расскажет.

– Хорошо, – кивнул Генрих. – Итак, продолжим. Сегодня мы разберём, какие замечательные вещи можно сделать обычным барьером, и как легко им можно убить или покалечить человека, причём совершенно незаметно. Умелый диверсант может его использовать настолько ловко, что противник будет только разевать рот, пытаясь понять, отчего у собеседника посреди разговора вдруг открутилась голова. Это, конечно, далеко не всякий сможет исполнить, но я однажды наблюдал такой фокус своими глазами.

* * *

Машина остановилась у запертых ворот, и водитель посигналил. Из небольшой караулки рядом с воротами вышел вооружённый охранник и неторопливо подошёл к машине.

– Ещё раз бибикнешь – сломаю руку, – скучным голосом сказал он вместо приветствия. – Кто такие и чего надо?

Водитель уже открыл было рот, чтобы поставить наглеца на место, но Беримир остановил его жестом.

– У нас больной, и нам назначено на приём к сиятельной Милославе Арди, – сказал охраннику Беримир.

– Хомский? – задал вопрос тот, и дождавшись ответного кивка, сообщил: – Въезд на территорию запрещён. Стоянка для самобегов посетителей слева от ворот. Если больной не в состоянии идти, я вызову санитаров с каталкой.

– Я дойду, Бери, – подал голос Путята. – Если мы будем настаивать, то не получим ничего, кроме унижения.

– И зачем Милославе это нужно? – с досадой спросил Беримир. – Показывает своё отношение к нам?

– Проезд для всех запрещён, не только для вас, – подал голос охранник, с равнодушным видом слушающий разговор.

– Вот прямо для всех без исключения? – скептически спросил Беримир.

– Исключение есть, – признал охранник. – Но у вас для исключения на гербе кое-чего не хватает⁷, – добавил он, бросив взгляд на дверь машины.

– Бери, Милослава просто показывает посетителям, кто здесь хозяин, чтобы сразу сбить спесь со слишком наглых, – объяснил Путята.

Беримир неохотно кивнул. Он вышел из машины и подал руку матери, а потом они вместе с водителем помогли выбраться Путяте, который не очень твёрдо стоял на ногах.

– Вам точно каталка не нужна? – спросил охранник.

– Не нужна, – хмуро ответил Беримир.

– Как скажете, – пожал плечами тот. – Проходите в калитку, вон то здание впереди – это главный корпус. Заходите в парадный подъезд, там вас встретят.

Дорога к главному корпусу была идеально чистой – Беримир совершенно не удивился бы, если бы ему сказали, что её ежедневно моют с мылом. Собственно, так оно на самом деле и было. По сторонам дороги расстился небольшой, но очень ухоженный парк с клумбами, мраморными статуями и фонтанами. Кое-где на разноцветных скамейках сидели больные, выползшие из надоевших палат на пока ещё яркое осеннее солнышко.

Отделанное мрамором здание клиники со статуями в нишах выглядело побогаче иных дворцов. Даже самые скандальные пациенты уже на подходе должны были понять, что хозяйке этого здания глубоко безразличны и их положение, и их деньги. Те, до которых доходило слишком туго, всё равно понимали это, когда попадали внутрь. Внутреннее убранство выглядело просто неприлично роскошным.

– Господин Путята Хомский? – спросила красивая девушка в белом халате, выходя из за полукруглой стойки, вырезанной из цейлонского эбена.

Путята утвердительно кивнул.

– Мы ждём вас. Позвольте проводить вас в палату. А вы родственники? – обратилась она к сопровождающим.

– Жена и сын, – ответил Беримир.

– Родственники обычно могут присутствовать при лечении пациента, – кивнула девушка. – Но если сиятельная сочтёт ваше присутствие нежелательным, вы должны будете немедленно покинуть палату.

– Мы не доставим проблем, – пообещал Беримир.

– В таком случае прошу вас пройти в этот лифт.

Палата состояла из двух комнат и вовсе не выглядела больничной палатой, а скорее небольшой, но богато обставленной квартирой.

– Мы стараемся, чтобы у пациентов не было ощущения лечебницы. Сиятельная Милослава считает, что это создаёт угнетённый настрой и мешает выздоровлению, – пояснила сопровождающая.

⁷ Арди являются боковой ветвью Хомских, поэтому и у Арди, и у Хомских один и тот же герб. Отличие только в том, что на гербе Арди дополнительно присутствуют два золотых жёлудя.

– А скажите мне, уважаемая, – полюбопытствовал Беримир, оглядывая обстановку, – это же наверняка не самая лучшая ваша палата?

– Прошу меня простить, – смутилась девушка, – но распоряжения по поводу размещения вашего отца отдавала лично сиятельная. Если вы желаете переместиться в палату более высокой категории, вам следует обратиться к ней.

– Меня всё устраивает, – устало сказал Путята. – Куда здесь можно прилечь?

– Лучше всего сразу на кровать, – показала сопровождающая. – Располагайтесь и ожидайте сиятельную Милославу. Ей уже сообщили о вашем прибытии. Если я вам больше не нужна, позвольте вас покинуть.

Беримир кивнул, и девушка вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Хомские ждали молча, говорить не хотелось. В молчании прошло минут пятнадцать. Внезапно дверь распахнулась, и в палату стремительно вошла Милослава, а вслед за ней целая толпа в белых халатах.

Путята с трудом узнал племянницу. В ней очень мало что осталось от той несчастной заплаканной девчонки с уже заметным животом, над которой он жестоко посмеялся, прежде чем выгнать в ночь. С тех пор он много раз вспоминал тот вечер, и каждый раз пытался убедить себя, что поступил правильно. Убедить так и не получилось, и в конце концов он с неохотой признал, что, пожалуй, был неправ. О том, чтобы как-то исправить сделанное, он не задумался, да и исправлять что-то к тому времени было уже поздно – она как-то сумела устроить свою жизнь. Ну а потом, когда она стала высокоранговой целительницей, возможность исправить ошибку окончательно исчезла.

Милослава скользнула взглядом по Беримиру с Понарой и тут же потеряла к ним интерес. Она подошла к кровати, на которой лежал Путята. В палате стояла мёртвая тишина, а Милослава смотрела на Путяту с непонятым выражением лица. Наконец, сзади кто-то кашлянул, и странное наваждение прошло.

– Милослава, я благодарен тебе... – начал Путята, чувствуя себя ужасно неловко.

– Мне не нужны твои благодарности, – резко прервала его Милослава. – И не думай, что я забыла прошлое. Я не шевельнула бы ради тебя и пальцем, но за тебя просил мой сын, который считает вас родственниками.

Путята попытался что-то сказать, но Милослава его снова прервала:

– Тебе передали моё условие?

– Я уже не глава семейства, – с неохотой выдал из себя Путята.

– Тогда спи!

Она ткнула его пальцем в лоб, и Путята обмяк. Милослава присела рядом, взяла его голову в руки и прикрыла глаза. Так прошло несколько минут, затем она встала и начала отдавать какие-то распоряжения, которые её свита старательно записывала. Наконец она обратила внимание на Хомских:

– Он будет спать сутки, так что вы можете пока ехать домой.

– Он выздоровеет? – с надеждой спросила Понара.

– Я не стала бы давать никаких гарантий, даже если бы у него была всего лишь простуда, – ответила Милослава. – Даже я не могу заставить жить человека, который не хочет жить. Через несколько дней мы увидим, согласна ли его душа задержаться здесь ещё.

– Милослава, я хочу тебе сказать, – начал Беримир, – мой отец поступил тогда недостойно, но не суди по тому случаю обо всех нас.

– Ты же Беримир, да? – обратила внимание на него Милослава. – Сын Путяты?

– Да, – подтвердил тот.

– И где ты был, когда твой отец выгонял твою двоюродную сестру?

– Мне тогда было четырнадцать, и моего мнения никто не спрашивал. Я даже не знал, что произошло. О том, что у моего отца был брат, а у него была дочь, я узнал только десять лет спустя.

Милослава задумчиво кивнула, а потом повернулась, и ни слова не говоря, вышла из палаты. Свита потянулась за ней; остались лишь пара сестёр, которые хлопотали вокруг Путяты, доставая из шкафов и устанавливая какие-то медицинские приспособления.

– Поехали домой, мама? – спросил Беримир. – Вернёмся завтра.

– Поехали, – печально вздохнула Понара.

* * *

Драгана приняла меня немедленно. «Этак я скоро и в самом деле буду забегать к ней между делом выпить чаю с плюшками и поделиться свежими сплетнями», – подумал я, едва заметно улыбнувшись своим мыслям. Действительно, наши отношения после совместной поездки так и остались дружескими, так что подобный сюжет уже совсем не выглядел диким.

– Здравствуй, – улынулась Драгана, мимолётно мазнув мне губами по щеке. – Ты просто так заглянул, поболтать? Или по делу?

– Ещё пустой болтовнёй я бы тебя от работы отвлекал, – фыркнул я. – Просто поболтать я тебя приглашаю к нам в ближайший выходной. Чисто семейные посиделки – мы с Леной, вы с Линой, мама и Кира. Ты с нашей матерью знакома?

– Как я могу быть с ней незнакома? – усмехнулась Драгана. – Но я поняла, что ты имеешь в виду. Нет, знакомство у нас исключительно формальное.

– Вот и познакомишься с ней в неформальной обстановке. Думаю, такое знакомство тебе лишним не будет.

Драгана согласно кивнула. Ну а для меня будет совсем нелишним свести тебя с Киной – Зайке неформальное знакомство со вторым человеком княжества очень пригодится. Как минимум, в качестве показателя статуса, а как максимум, Зайка сможет из этого выжать что-нибудь взаимовыгодное.

– Но мы всё же можем и поболтать, – сказала Гана. – У меня найдётся свободных полчаса.

– Нет, Гана, – вздохнул я. – Нам надо обсудить кое-что, на болтовню времени уже не останется. Я пришёл к тебе рассказать о предварительных результатах нашей работы у Ивличей.

– Я слышала, ты там всё перетряхнул, – внимательно посмотрела на меня Драгана. – Мне говорили, что работники уже дрожат от ужаса при твоём имени.

– Врут, – равнодушно отнёс я обвинение. – Точнее, сильно преувеличивают. По всей видимости, к тебе жалобы приходили?

– Приходили, приходили жалобы, – подтвердила Драгана. – Но насчёт того, что ты всё там перетряхнул, они же не соврали?

– Насчёт этого не соврали, – согласился я. – У меня не было месяцев на неторопливое расследование, так что я пошёл быстрым путём.

Драгана кивнула, внимательно на меня глядя.

– Итак, мы нашли восемь завербованных сотрудников в различных подразделениях. Двое работали на Ренских, один на Тириных, двое на Арди, трое на князя, и ещё трое не знали, кто их завербовал. Цифры не сходятся, потому что некоторые из них работали сразу на несколько сторон.

Брови у неё неудержимо полезли вверх, а потом она захохотала.

– Из тех троих, что работали на князя, один и в самом деле на него работал, – продолжал я. – Мы его точно идентифицировали, это полевой агент из аппарата Курта Гессена. Его мы отпустили, попросив передать Курту уверения в нашем искреннем к нему уважении. Что

делать с остальными, непонятно – толку от них никакого, настоящих нанимателей они не знают. Мы установили наблюдение за их явками, но думаю, это бесполезно – наша активность у Ивличей получила широкую огласку, все связанные сразу же ушли в тень.

– Жаль, – вздохнула Драгана.

– Их нельзя было оставлять, – пожал я плечами. – Кто же знал, какие у них приказы. Они ведь могли и диверсию устроить, вот и пришлось выявлять их быстро и шумно.

– Это понятно, – согласилась она, – но всё равно жаль.

– Мы сейчас работаем по нескольким линиям, но шансы, что удастся выйти на конечных заказчиков, не очень велики. На данный момент более или менее понятна только интрига с финансами. Завербованный главный счетовод устроил целый ряд махинаций – довольно прибыльных, но при этом хорошо заметных. Очередная камеральная проверка предприятия по планам налоговой службы будет в следующем году. Естественно, всё сразу вылезло бы наружу, и как мы считаем, там немедленно подключилась бы купленная пресса. Скандал, перетряхивание грязного белья, ну, дальше ты и сама всё можешь предсказать.

Драгана медленно кивнула.

– Хотя тем, кто это затеял, необязательно было ждать камеральной проверки, – прикинул я. – Достаточно небольшой диверсии в качестве повода для привлечения внимания к предприятию. В общем, всё могло взорваться в любую минуту, так что выявив агентов, мы купили немного времени. Надеюсь, что купили.

– А скажи-ка мне, Кен – какова во всём этом роль Горана?

– Неприглядная, но по предварительным выводам, чисто пассивная, – усмехнулся я. – Горан плохо разбирается в финансовом законодательстве, и главный счетовод легко его убедил, что это просто продвинутые способы оптимизации налогов, и всё самым замечательным образом сойдёт с рук. Горан обрадовался такой неожиданной прибыли и дал ему разрешение делать всё, что он хочет, лишь бы был результат. Тот и обеспечил прекрасный результат, превзошедший самые смелые ожидания. А своим слишком законопослушным подчинённым главный счетовод объяснил, что это делается по приказу сиятельной Драганы Ивлич, которая и уладит все проблемы с законом. И те, кто решит против неё пойти, быстро останутся без голов.

– Что-то ещё? – спросила помрачневшая Драгана.

– Работаем ещё по двум линиям, – ответил я. – Начали разбираться с давлением со стороны чиновников, и со странными шевелениями контрагентов. Но это дело небыстрое. Чиновника так просто не засунешь в допросную, сама понимаешь. Хотя вот они-то как раз и могли бы дать какую-то наводку на заказчиков.

– Если дашь хоть какую-то зацепку, то можно и в допросную. Хоть что-то подозрительное – странное поступление денег на счёт, например, или ещё что-нибудь.

– Пока занимаемся этим, – развёл я руками. – Ты мне лучше вот что объясни: как именно ты связана с этой мастерской? А то вроде как она и не твоя, но распоряжаешься ты там очень уж уверенно.

– В том-то и дело, что она моя, – вздохнула Драгана. – Я старший ребёнок, и я унаследовала предприятие семьи. Но так получилось, что я не могла им заниматься, да и доход от него меня не особенно интересовал. Если не вдаваться в ненужные подробности, то ситуация такова: мастерская принадлежит мне, но находится в доверительном управлении у семейства Горана. За то, что они ею управляют, они получают половину прибыли, а другая половина прибыли уходит моему сыну и потомкам моих младших братьев.

– Гана, как ты могла так подставиться? – потрясённо спросил я. – Никто ведь даже не вспомнит про это доверительное управление. Если случится скандал с уклонением от налогов, то преступницей будешь именно ты. Ты владелица предприятия, ты не сможешь отговориться тем, что ничего не знала о махинациях родственников. Даже я, молодой и глупый студент, об этом в первую очередь бы задумался.

– А что было делать? – смутилась она. – Сама я заниматься этой мастерской не могла. Было бы лучше всего её просто отдать, но... в общем, это тоже был не вариант. У меня не было другого выхода.

Это понятно, почему просто отдать не хотелось – с братьями, наверное, были какие-то разногласия, а Горан ей вообще никто. Некому отдавать, словом. Но это же не повод, чтобы сидеть на такой бомбе и делать вид, что всё идёт как надо.

– Знаешь, это типичная отговорка всех неудачников, что, мол, другого выхода не было, это не я облажался, а просто обстоятельства так сложились. Не уподобляйся, пожалуйста. Выход всегда можно найти – я вот с ходу вижу, например, вариант с акционированием.

– Брось, Кен, – поморщилась Драгана. – Акционировать большое предприятие – это огромная работа, а у меня для этого нет ни времени, ни желания, ни подходящих людей.

– Ладно, – вздохнул я, – будем работать дальше. Для начала наведём там порядок, а потом уже и подумаем, что с этим можно сделать.

– Я могу чем-нибудь помочь? – поинтересовалась Драгана.

– Если твоя помощь потребуется, я дам знать, – пообещал я. – Но пока что этого не требуется, на данном этапе ты вряд ли сможешь что-то сделать. В общем, я буду и дальше держать тебя в курсе событий, а пока закончим на этом. И я, кстати, вспомнил, что у меня и в самом деле есть вопрос из категории поболтать: что там за история с прошедшей реформой образования? Менски сказал нам, что это была довольно неприглядная история, но мне кажется, он немного преувеличил.

Гана вполголоса от души выругалась, и я укоризненно на неё посмотрел.

– Всё правильно он сказал, история была ещё та. Некая группировка пропихнула на ключевые посты нужных людей, а заодно устроила себе многолетнюю кормушку. Сколько они под это денег из бюджета высосали, просто голова кругом идёт. Мы боролись как могли, но они сумели заручиться поддержкой князя. Нарисовали ему широкими мазками картину тупого молодняка, который разбрасывается боевыми конструктами. Князь не то чтобы совсем поверил, но решил, что лучше не рисковать, и они свою реформу протолкнули.

– И знаешь, Кен, какое здесь удивительное совпадение? – с усмешкой добавила Драгана. – Устроила это та самая группировка, которая сейчас под меня копает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.